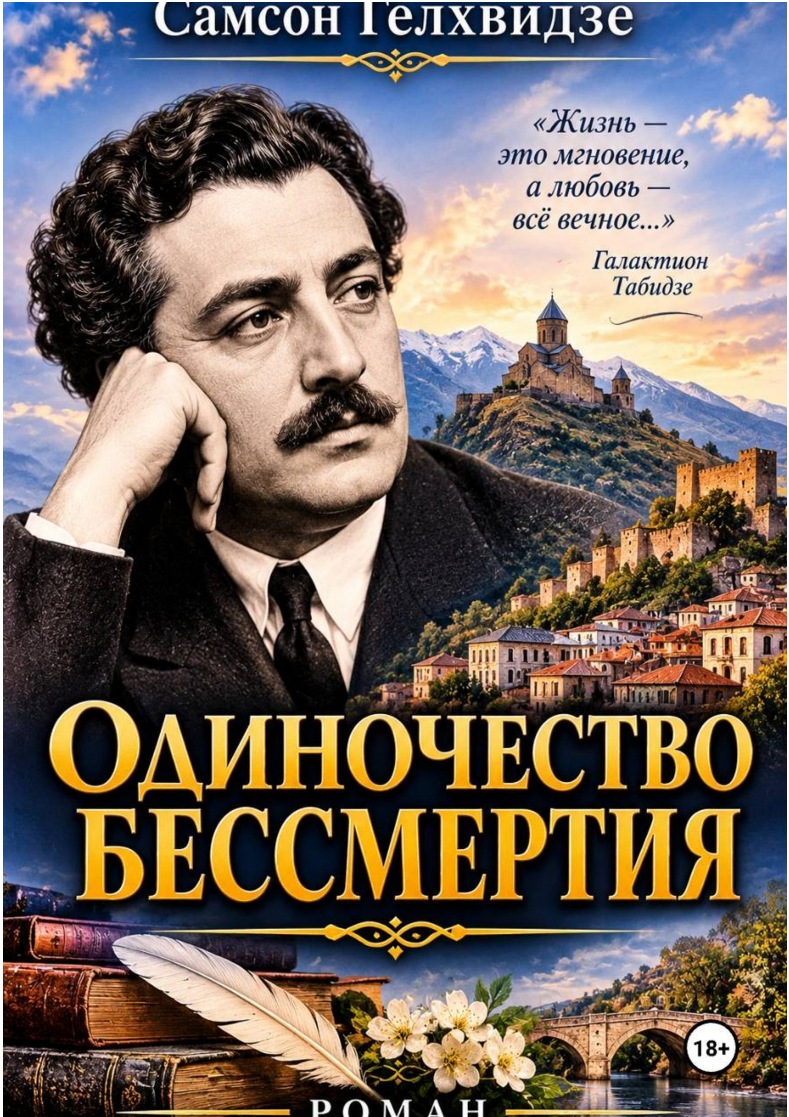
Самсон Гелхвидзе

ОДИНОЧЕСТВО БЕССМЕРТИЯ

18+

РОМАН

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
ОДИНОЧЕСТВО БЕССМЕРТИЯ - (роман)

https://litres.ru/74723903
SelfPub; 2026

Аннотация

Роман «ОДИНОЧЕСТВО БЕССМЕРТИЯ» — художественное повествование о судьбе Галактиона Табидзе, великого грузинского поэта, чья жизнь прошла через любовь и утраты, признание и одиночество, исторические потрясения и непрерывный творческий поиск.

Автор стремится показать не только литературный путь своего героя, но прежде всего живого человека — ранимого, противоречивого, талантливого, ищущего понимания и внутренней гармонии. Особую выразительность произведению придают размышления о природе поэзии, человеческой памяти, цене признания и трагическом разрыве между духовным богатством личности и её земным существованием.

Достоинство романа — его гуманистическая направленность и стремление соединить историческую достоверность с художественным осмыслением человеческой судьбы. Финал приобретает философское звучание: смерть поэта становится не концом его присутствия в мире, а началом бессмертия его слова.

«ОДИНОЧЕСТВО БЕССМЕРТИЯ» — это размышление о высокой цене творческого дара и о человеке

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
ОДИНОЧЕСТВО БЕССМЕРТИЯ - (роман)

ОДИНОЧЕСТВО БЕССМЕРТИЯ
Историко-биографический роман

ПРОЛОГ
Человек, которому предстояло остаться

Бывают люди, чья жизнь словно заранее отмечена невидимым знаком. Они появляются на свет среди обыкновенных забот, растут, учатся, любят, ошибаются, радуются и страдают, как тысячи других людей. Но однажды их голос начинает звучать дальше пределов родного дома, родного города и даже родной страны. Слова, которые они произносят, обретают собственную судьбу и отправляются в путешествие, продолжительность которого невозможно измерить человеческой жизнью.

Так случилось с человеком, которому суждено было стать одним из величайших поэтов Грузии.

Он родился в небольшом имеретинском селе, вдали от столичных литературных салонов, университетских аудито-

рий и тех мест, где обычно принято искать начало большой славы. Его детство не обещало ни известности, ни признания. Перед ним лежала обычная дорога мальчика из небогатой семьи, которому предстояло получить образование, найти своё место в жизни и научиться отвечать за собственную судьбу.

Но в нём уже жило нечто, чему ещё предстояло обрести имя.

Время, в которое ему довелось жить, не было спокойным. Менялись государства и правительства, рушились привычные представления о будущем, одни люди поднимались на вершины общественного признания, другие исчезали в безвестности. Грузия переживала события, оставлявшие глубокие следы в памяти нескольких поколений. В этой сложной исторической реальности поэт должен был найти собственный голос и сохранить его.

Он знал радость творчества и горечь непонимания, любовь и разочарование, признание и одиночество. Его стихи становились достоянием народа, но за пределами стихотворных строк оставалась жизнь человека со своими сомнениями, привязанностями, надеждами и страхами.

Возможно, именно здесь и заключалась главная загадка его судьбы: чем выше поднималось его имя, тем труднее становилось понять, насколько одиноким мог чувствовать себя человек, которого знала вся страна.

Однако бессмертие не всегда приходит к человеку при

жизни. Иногда оно начинается тогда, когда заканчиваются его земные дни. Остаются книги, рукописи, фотографии, письма, строки, которые продолжают жить в памяти тех, кто никогда не встречал их автора.

И тогда возникает вопрос, на который не всегда можно найти однозначный ответ: что именно остаётся бессмертным — имя, слово, образ человека или та невидимая часть его души, которую он сумел передать другим?

Чтобы приблизиться к ответу, нам придётся вернуться туда, где всё начиналось. В маленькое село, к дому, в котором ждали рождения ребёнка, к женщине, которой предстояло одной растить сыновей, и к мальчику, ещё не знавшему, что однажды его стихи станут частью духовной истории целого народа.

Его звали Галактион.

Но эта история начинается не с имени. Она начинается с земли, на которой он родился.

Глава первая. Дом, в котором ждали ребёнка

В Имеретии осень наступает не сразу. Ещё долго после летнего зноя солнце задерживается над холмами, виноградники сохраняют тепло, а в садах продолжают зреть плоды. Деревенская жизнь подчиняется привычному порядку: утренним заботам, работе в поле, семейным хлопотам и вечерним разговорам, когда люди собираются у своих домов и делятся новостями.

В Чквиши, небольшом селении, затерянном среди зелё-

ных склонов, жизнь шла своим чередом. Здесь не было ни столичной суеты, ни громких событий, о которых писали газеты. Но именно в таких местах, среди простых домов и знакомых с детства дорог, начинались судьбы людей, которым позднее предстояло изменить духовную жизнь целого народа.

В семье Табидзе ждали ребёнка.

Васила уже не было рядом с женой. Он умер до рождения сына, и Макрине Адеишвили предстояло встретить материнство без поддержки мужа. О том, каким было её одиночество в те месяцы, мы можем только догадываться. Но можно представить, сколько тревоги и надежды соединялось в сердце женщины, которой предстояло одной растить детей и заботиться о будущем семьи.

В тот ноябрьский день 1891 года в доме появился мальчик.

Его назвали Галактионом.

Макрине ещё не знала, какую судьбу принесёт ему это имя. Не могла знать, что однажды его стихи будут читать далеко за пределами родной Имеретии, что люди станут искать в них ответы на собственные вопросы, а его имя войдёт в историю грузинской литературы. Для неё он был прежде всего сыном — маленьким человеком, которого нужно было согреть, накормить, уберечь и вырастить.

За окном продолжалась обычная жизнь. Кто-то работал в саду, кто-то возвращался с поля, где-то неподалёку разгова-

ривали соседи. Мир не изменился от рождения одного ребёнка. Но для Макрине изменилось всё.

Она осталась вдовой с детьми на руках. Впереди были годы, о которых нельзя было знать заранее. Нужно было находить силы, принимать решения, преодолевать трудности и не позволять обстоятельствам лишить детей будущего.

В доме рос и старший брат Галактиона — Прокле. Между братьями впоследствии возникнет особая связь, хотя разница в возрасте и жизненные обстоятельства будут определять их отношения по-разному. Пока же младший был слишком мал, чтобы понимать, кто находится рядом с ним и почему взрослые иногда говорят тише обычного.

Отец оставался отсутствующим человеком, о котором мальчик мог узнать лишь из чужих слов. Это обстоятельство не следует превращать в готовое объяснение всей его будущей судьбы. Человек не становится поэтом только потому, что рано лишился отца. Но отсутствие отцовской опоры было частью семейной действительности, в которой Галактиону предстояло расти.

Макрине не могла заменить детям всё, чего они были лишены. Она могла сделать другое — сохранить дом, дать им воспитание, позаботиться об образовании и научить не отступать перед жизненными трудностями.

Так начиналась история человека, которому предстояло прожить жизнь между земной привязанностью и беспокойным миром собственной души.

В метрической книге появится дата его рождения — 5 ноября 1891 года по старому стилю, или 17 ноября по новому. Крещение состоялось 3 января следующего года. Но в тот первый день никакая дата ещё не имела значения для матери. Она просто держала на руках своего ребёнка.

И если бы кто-нибудь спросил её тогда, кем станет этот мальчик, она, вероятно, ответила бы так, как отвечают матери во все времена: пусть только вырастет здоровым, пусть будет счастливым, пусть жизнь окажется к нему милостива.

Но жизнь редко спрашивает человека, готов ли он к тому, что ему приготовлено.

Глава вторая. Дорога из Чквиши

Детство Галактиона проходило среди привычных звуков деревни. Утром просыпались птицы, во дворах начинались домашние хлопоты, за оградами слышались голоса соседей. Солнце медленно поднималось над холмами, освещая крыши домов и дорожки, по которым люди ходили изо дня в день.

Для взрослого всё это могло казаться однообразным. Для ребёнка каждый день открывал что-нибудь новое.

Галактион рос в окружении матери, брата и родственников. Он рано познакомился с буквами, научился читать и писать. Слово постепенно входило в его жизнь, сначала как необходимый навык, затем как способ узнавать то, что находилось за пределами деревенского мира.

Можно представить, как мальчик сидел за столом, скло-

нившись над книгой, а Макрине занималась домашними делами. Иногда она могла подходить к нему, чтобы посмотреть, чем занят сын.

— Опять читаешь? — спросила бы она, заглянув через его плечо.

— Читаю, мама.

— А уроки уже сделал?

— Сейчас закончу.

— Ты всегда говоришь «сейчас». Сначала закончи одно, потом берись за другое.

Он мог улыбнуться, снова опустить глаза к странице и продолжить чтение.

Этот короткий разговор — художественная реконструкция, а не сохранившееся воспоминание. Но в нём нет ничего необычного для дома, где мать заботилась об образовании ребёнка и старалась приучить его к порядку.

Макрине понимала: деревня не сможет дать сыну всего, что необходимо для дальнейшей жизни. Если он хочет учиться, если у него есть способности, нужно искать возможность продолжить образование.

Старший брат Прокле также был связан с учёбой и преподаванием. Его собственный жизненный путь показывал, что знания могут стать не только личным приобретением, но и делом, которому посвящают жизнь. В семейной среде образование не было пустым словом.

Годы шли. Мальчик становился старше, а вместе с возрас-

том менялись и планы семьи.

В 1899 году было принято решение переехать в Кутаиси. Для Макрине это был серьёзный шаг. Город давал возможность учиться, но требовал новых расходов, поиска жилья и приспособления к непривычным условиям. Всё, что прежде было устроено и знакомо, теперь предстояло начинать заново.

Двадцать седьмого августа семья покинула Чквиши. Вместе с Макрине и Галактионом отправились Прокле, тётя Анастасия и двоюродный брат Амберк.

Мальчик, вероятно, ещё не вполне понимал, насколько важным окажется этот день. Для него дорога могла быть прежде всего приключением: менялись пейзажи, оставались позади знакомые места, впереди возникал город, о котором он уже слышал.

Можно вообразить, как он оглядывался назад.

— Мы ещё вернёмся? — спросил он мать.

— Конечно, — ответила бы Макрине. — Это наша родная деревня. Разве можно забыть дорогу домой?

— А в Кутаиси мы надолго?

— Пока тебе нужно учиться.

— А там много домов?

— Много. И людей ещё больше.

— А школа большая?

Макрине улыбнулась.

— Сначала поступи, а потом сам увидишь.

Она старалась говорить спокойно. Возможно, и сама испытывала тревогу: удастся ли устроиться, хватит ли денег, привыкнет ли сын к новой жизни? Но материнская забота часто состоит именно в том, чтобы не передавать ребёнку все страхи, которые приходится носить взрослому.

Кутаиси встретил их шумом улиц и непривычным движением. После Чквиши город казался большим и многолюдным. Здесь были торговые ряды, мастерские, храмы, учебные заведения, дома разного вида и достатка. Люди спешили по своим делам, разговаривали, торговались, встречались и расходились.

Галактиону предстояло привыкнуть к этому миру.

Семья поселилась в городе, и первого сентября мальчик поступил в частную подготовительную школу священника Нестора Кубанеишвили. Учительницей была Надя Мачитидзе. Школа находилась в доме священника неподалёку от руин собора Баграти.

Старые камни собора словно принадлежали другому времени. Они пережили многое, но продолжали возвышаться над городом, напоминая о прошлом, которое нельзя было отменить или забыть.

Галактион ещё не мог оценить исторического значения этого места. Для него оно было частью новой жизни, в которой появились занятия, учителя, новые товарищи и необходимость каждый день доказывать, что он способен учиться.

Макрине сняла жильё на Архиерейской горе, в доме дво-

рянина Андро Церетели. Ей хотелось, чтобы сыну было удобно добираться до занятий.

Вечерами, когда домашние дела были закончены, она могла спрашивать:

— Как прошёл день?

— Хорошо.

— Что сегодня изучали?

— Читали и писали.

— А учительница тебя хвалила?

— Не знаю.

— Как это — не знаешь?

— Она сказала, что надо стараться.

— Значит, старайся.

Мальчик не всегда рассказывал матери обо всём, что происходило в школе. Да и не всякое впечатление ребёнок умеет выразить словами. Но именно из таких обыкновенных дней складывается взросление.

Чквиши оставался в его памяти, даже когда новые улицы становились привычными. Родная деревня не исчезала из жизни человека только потому, что он покинул её. Иногда она продолжает жить в нём сильнее, чем места, где он проводит последующие годы.

Возможно, Галактион ещё не понимал, насколько глубоко связана его будущая поэзия с землёй, на которой он родился. Но родные пейзажи, интонации речи, память о людях и детских впечатлениях уже становились частью его внутрен-

него мира.

Он уходил от Чквиши не для того, чтобы забыть его. Он уходил, чтобы получить возможность узнать больше.

Глава третья. Первые двери

Кутаиси стал для Галактиона городом учёбы и первых серьёзных испытаний. Здесь он должен был научиться не только читать и писать, но и самостоятельно осваивать знания, соблюдать порядок, отвечать за свои занятия.

В 1900 году он поступил в Кутаисское духовное училище. Впереди было несколько лет, в течение которых учебная жизнь постепенно становилась главным содержанием его повседневности.

Духовное училище отличалось строгой дисциплиной. Здесь ценились прилежание, память, способность усваивать материал и уважение к установленному порядку. Ученики занимались разными предметами, изучали языки, знакомились с литературой и историей.

Для Галактиона это был уже не тот мир, который он оставил в Чквиши. Здесь от него ожидали самостоятельности. Нужно было выполнять задания, следить за временем, готовиться к занятиям и отвечать за собственные успехи.

Возможно, не всё давалось ему одинаково легко. Как и любой подросток, он мог уставать, отвлекаться, мечтать о чём-то своём. Учебная дисциплина не всегда совпадает с внутренними стремлениями человека, особенно если его воображение уже начинает искать собственную дорогу.

Но именно в эти годы расширялся круг его интересов. Книга переставала быть только учебным пособием. Литература открывала ему человеческие характеры, чувства, события и целые миры. Слово начинало приобретать особую ценность.

В 1908 году, завершив обучение в училище, Галактион отправился в Тифлис. Теперь ему предстояло продолжить образование в духовной семинарии.

Тифлис был совсем другим городом. Здесь пересекались культуры и языки, жили люди разных занятий и убеждений. Городская жизнь была насыщеннее, а культурная среда — значительно шире той, с которой юноша познакомился в Кутаиси.

Однако переезд требовал не только смелости, но и практического решения материальных вопросов. Галактион обратился с прошением об освобождении от платы за обучение. Сохранившийся документ, написанный им на русском языке и адресованный архиепископу Иннокентию Беляеву, напоминает нам о том, что за будущей литературной судьбой стоял обычный молодой человек, которому приходилось заботиться о возможности учиться.

Он не ехал в Тифлис как признанный поэт. Он ехал туда как юноша, которому ещё предстояло найти своё место.

На вступительных испытаниях ему предложили написать сочинение на тему «Виноградная жатва в Грузии». Преподаватель русской словесности и теории риторики Ипполит

Вартагава обратил внимание на литературный стиль работы Галактиона.

Это был важный момент. Впервые его способности получили оценку человека, который профессионально занимался словесностью. Не просто школьная похвала за правильно выполненное задание, а признание того, что в работе молодого человека есть литературное качество.

Можно представить, как преподаватель, прочитав сочинение, задержался на нескольких строках, затем снова вернулся к началу.

— Кто написал эту работу? — спросил он.

— Галактион Табидзе, — ответил кто-то из присутствовавших.

— Пригласите его.

Юноша вошёл в кабинет.

— Ты сам писал сочинение?

— Сам, господин преподаватель.

— Тебе нравится писать?

Галактион мог немного смутиться.

— Да. Но я ещё учусь.

— Это хорошо. Продолжай учиться. И не забывай, что хорошее сочинение начинается не с красивых слов, а с умения видеть предмет.

Этот разговор — художественная реконструкция, основанная на известном свидетельстве о положительной оценке вступительной работы. Мы не утверждаем, что препода-

ватель произнёс именно эти слова. Но сама встреча помогает представить, как мог выглядеть первый серьёзный контакт юноши с человеком, заметившим его литературные способности.

Первого сентября 1908 года Галактион был принят в Тбилисскую духовную семинарию на государственное содержание. Он поселился в ученическом общежитии, которое называли бурсой.

Начиналась новая жизнь.

Семинария была не только учебным заведением, но и особой средой, в которой молодые люди жили рядом, общались, спорили, делились книгами и впечатлениями. Здесь можно было встретить людей с разными характерами и взглядами, услышать разговоры о литературе, общественной жизни и будущем страны.

Но самым важным событием этого времени стало не только поступление.

В 1908 году появились первые публикации стихотворений Галактиона, среди которых были «Месяц сияет» и «Чёрная туча». Кроме того, он издал рукописный журнал «Шуки», название которого переводится как «Свет».

Представим комнату, в которой молодой человек поздним вечером склонился над рукописью. За окном шумит незнакомый город. В общежитии кто-то разговаривает, кто-то готовится к занятиям, кто-то уже лёг спать. На столе лежат исписанные листы.

Галактион перечитывает строки, поправляет написанное, снова возвращается к началу. Он ещё не знает, как встретят его стихи. Не знает, кто прочитает их первым и что подумает. Но теперь слово перестаёт быть только его личным делом.

— Ты опять не спишь? — мог спросить сосед по комнате.

— Сейчас закончу.

— Ты всё время что-то пишешь.

— Не всё можно сказать вслух.

— А на бумаге можно?

Галактион мог улыбнуться.

— Иногда.

И снова склониться над листом.

Это тоже не документальный диалог, а художественное приближение к атмосфере того времени. Нам важно не приписать герою чужие слова, а показать внутреннее движение, которое сопровождает рождение автора.

В юности человек ещё не всегда понимает, что именно ищет. Он пробует разные интонации, подражает прочитанным произведениям, спорит с самим собой, исправляет строки и сомневается в результате. Но постепенно в его письме появляется то, что нельзя полностью объяснить ни школой, ни влиянием других авторов. Возникает собственный голос.

Галактион находился в самом начале этого пути.

Позади оставались Чквиши и Кутаиси, материнский дом, первые уроки и годы духовного училища. Впереди был Ти-

флис — город, в котором его литературная судьба должна была получить дальнейшее развитие.

Он ещё не был великим поэтом в глазах окружающих. Но уже делал то, что отличает человека, для которого творчество становится необходимостью: писал, искал, сомневался и продолжал.

Первые двери открывались перед ним. И за каждой находился новый мир.

Глава четвёртая. Город, который не спал

Тифлис не был похож на Кутаиси. Здесь всё казалось более стремительным, многоголосым и противоречивым. Утром город просыпался под звон колёс, голоса торговцев и шум открывавшихся лавок. По улицам проходили люди в разной одежде, звучали грузинская, русская, армянская и другие речи. На площадях встречались купцы и ремесленники, чиновники и студенты, священнослужители и рабочие. Каждый спешил по своим делам, и у каждого была своя история.

Для молодого Галактиона этот город был одновременно притягательным и непривычным. Он приехал сюда учиться, но постепенно понимал, что за стенами семинарии существует огромный мир, который невозможно вместить ни в одну учебную программу.

Иногда достаточно было выйти на улицу, чтобы почувствовать его дыхание. Тифлис жил шумно, порой беспокойно, но в этой беспокойной жизни было что-то, что особенно

волновало молодого человека, склонного наблюдать и вслушиваться.

Он мог задержаться у витрины книжной лавки, рассматривать незнакомые издания, прислушиваться к разговору прохожих. Ему было интересно не только то, что люди говорили, но и то, как они это делали: какие слова выбирали, над чем смеялись, о чём спорили и чего старались не произносить вслух.

В семинарии его дни были заполнены занятиями. Но стоило учебному распорядку оставить немного свободного времени, как мысли снова возвращались к литературе.

Среди учеников встречались молодые люди, для которых чтение и поэзия были не менее важны, чем обязательные уроки. Они могли спорить о прочитанном, обсуждать авторов, сравнивать стихи, пытаться понять, почему одна строка остаётся в памяти, а другая исчезает сразу после прочтения.

В такой среде Галактион всё чаще ощущал, что ему необходимо не просто читать чужие произведения, но и создавать собственные.

Однажды вечером, когда занятия закончились, в комнате собрались несколько учеников. На столе лежали тетради и книги. За окном постепенно темнело, а разговор никак не желал завершаться.

— Ты сегодня опять что-то записывал? — спросил один из товарищей, заметив тетрадь Галактиона.

— Несколько строк.

— Стихи?

— Пока не знаю.

— Как это — не знаешь? Разве ты сам не понимаешь, что пишешь?

— Иногда сначала пишешь, а уже потом понимаешь, что хотел сказать.

— Тогда прочитай.

Галактион не сразу ответил. Он не любил, когда его заставляли читать написанное прежде, чем он сам был готов к этому. В рукописи ещё оставалось слишком много сомнений, а некоторые строки казались ему незавершёнными.

— В другой раз, — произнёс он наконец.

— Значит, есть что скрывать?

— Есть что исправлять.

Собеседники рассмеялись, и разговор перешёл на другую тему.

Подобные вечера могли повторяться не раз. Молодые люди искали себя, примеряли к собственным мыслям слова известных писателей, спорили о литературе и о жизни. Никто из них не мог заранее знать, чья судьба окажется необычной, кто останется в памяти потомков, а чьё имя растворится в повседневности.

Но для Галактиона эти разговоры были важны. Они помогали ему почувствовать, что литература не существует в одиночестве. Она рождается в человеке, однако затем вступает в диалог с другими людьми, с их представлениями, со-

мнениями и чувствами.

Тифлис постепенно раскрывался перед ним и другой своей стороной. За внешней красотой старых улиц скрывались социальные противоречия, бедность, неравенство и напряжённость общественной жизни. Город, который мог казаться праздничным приезжему, для многих его жителей был местом тяжёлого труда и постоянной борьбы за существование.

Галактион не мог оставаться совершенно равнодушным к происходившему вокруг. Он жил в эпоху, когда привычный порядок всё чаще подвергался сомнению, когда молодёжь обсуждала общественные перемены, когда литература становилась одним из способов осмысления времени.

Однако он ещё не был человеком, который стремился выступать с громкими заявлениями. Его главным способом разговора с миром постепенно становилось слово.

Иногда, возвращаясь после занятий, он мог идти по улице медленнее других. Его внимание привлекали случайные лица, обрывки разговоров, свет в окнах домов. Город словно предлагал ему бесконечное множество сюжетов, но пока всё это оставалось внутри — нерассказанное, неоформленное, ожидающее своего часа.

Он начинал понимать, что поэзия не обязательно рождается из необыкновенного события. Порой достаточно увидеть, как человек провожает другого взглядом, услышать голос женщины, окликнувшей ребёнка, заметить одинокую фигуру у освещённого окна. Внешне ничего особенного не

происходит, но в душе наблюдателя возникает чувство, которому необходимо найти слова.

Именно такие чувства постепенно становились материалом его внутренней работы.

Однажды, перечитывая написанное, Галактион мог поймать себя на мысли, что прежние строки уже не вполне его устраивают. Он искал точность, музыкальность, собственную интонацию. Ему хотелось, чтобы стихотворение не просто сообщало о переживании, а само становилось переживанием.

— Ты слишком долго сидишь над одной страницей, — заметил бы кто-нибудь из товарищей.

— Она ещё не закончена.

— Но ведь ты уже написал всё, что хотел.

— Нет. Я написал всё, что смог.

В этой разнице и заключалась вся трудность творчества. Написать можно быстро. Найти единственно необходимое слово гораздо сложнее.

В те годы Галактион ещё не знал, сколько раз ему предстоит возвращаться к собственным стихам, сколько раз он будет сомневаться в написанном и как часто внутреннее недовольство заставит его начинать заново. Но уже теперь он учился самому трудному — не соглашаться на то, что кажется недостаточным.

Время от времени его мысли возвращались к матери. Макрине осталась в его памяти человеком, который помог

ему сделать первые шаги к образованию. Между ними лежало расстояние, и теперь он должен был учиться жить самостоятельно. Возможно, в письмах домой он рассказывал о занятиях, о городе, о новых знакомых. Но едва ли мог передать словами всё, что происходило у него внутри.

Мать, в свою очередь, могла интересоваться самыми простыми вещами: здоров ли он, хватает ли ему денег, не забывает ли о занятиях, не слишком ли устаёт. Для неё он оставался сыном, даже если постепенно становился самостоятельным юношей.

Так расходились два взгляда на одну судьбу. Для Макрине главным было благополучие ребёнка. Для самого Галактиона всё заметнее становилось другое — желание найти дело, которому можно посвятить себя.

Впереди его ожидали новые знакомства и новые испытания. Литературная жизнь Тифлиса постепенно должна была стать частью его собственной жизни. Но пока он ещё только приближался к её порогу.

Город не спал. В его окнах зажигался свет, по улицам продолжали двигаться люди, в домах шли разговоры, а где-то молодой человек снова склонялся над тетрадью.

Возможно, в этот самый вечер он написал несколько строк, которые впоследствии уничтожил. Возможно, сохранил их и вернулся к ним спустя годы. Мы не знаем этого.

Но знаем, что для будущего поэта наступало время, когда жизнь вокруг становилась неотделимой от его творчества.

Тифлис уже не был для него только местом учёбы. Он превращался в мир, который предстояло наблюдать, переживать и однажды выразить в стихах.

Глава пятая. Среди тех, кто искал слова

У каждого молодого поэта наступает время, когда собственных тетрадей ему становится недостаточно. Он уже не хочет писать только для себя. Ему необходимо услышать чужое мнение, узнать, как воспринимают его строки другие люди, и, самое главное, понять, способен ли он сказать нечто такое, чего до него ещё никто не сказал.

Для Галактиона это время постепенно наступало в Тифлисе.

Семинарская жизнь продолжалась, но всё больше места в его мыслях занимала литература. Он уже не был новичком, впервые взявшимся за перо. Его стихи появились в печати, а рукописный журнал «Шуки» дал возможность почувствовать себя не только автором, но и организатором литературной работы.

В 1909 году он начал сотрудничать с журналом «Паскунджи» — «Феникс». Это означало, что его имя и произведения могли встречаться читателям уже не только на страницах ученической рукописи.

Молодому автору предстояло привыкнуть к новой ответственности. Написанное переставало принадлежать исключительно ему. Оно становилось предметом обсуждения, сравнения, похвалы или критики.

Представим небольшую комнату, где несколько молодых людей собрались после занятий. На столе лежат журналы, раскрытые книги, исписанные листы. Один из учеников читает стихотворение, другой нетерпеливо перелистывает страницы, третий слушает, опершись на спинку стула.

— Ты слишком серьёзно относишься к каждому слову, — заметил один из товарищей.

— А как к нему относиться?

— Написал — и всё. Пусть читатель разбирается.

— Тогда зачем вообще писать?

— Чтобы тебя читали.

Галактион посмотрел на собеседника.

— А если прочитают, но не поймут?

— Значит, плохо написал.

— Не всегда. Иногда человек не понимает потому, что не хочет слушать.

Разговор мог продолжиться спором, который закончился бы ничем. Но именно в таких спорах молодые авторы учились отстаивать свои взгляды, сомневаться в собственных убеждениях и искать более точное выражение мысли.

Галактион постепенно входил в литературную жизнь грузинской столицы. Он видел, что поэзия не является чем-то застывшим. Одни авторы держались привычных форм, другие искали новые способы выражения. Одни стремились к ясности и простоте, другие увлекались сложными образами и символами. Молодое поколение всё чаще задавалось во-

просом, какой должна быть литература нового времени.

Но Галактион не спешил выбирать себе готовую дорогу.

Ему было важно не просто принадлежать к определённому кругу, не повторять чужие интонации и не подчинять собственное творчество моде. Он хотел найти язык, который соответствовал бы его внутреннему ощущению мира.

Это было непросто. В юности человек часто бывает нетерпелив. Ему хочется сразу добиться совершенства, сразу получить признание, сразу убедиться, что он не ошибся в выборе жизненного пути. Но творчество не подчиняется таким желаниям.

Иногда написанное казалось удачным лишь до следующего утра. Ночью строка звучала прекрасно, а при дневном свете обнаруживала свою слабость. Иногда несколько часов уходило на то, чтобы исправить одно слово. Иногда стихотворение, которому автор отдавал много сил, оставалось незавершённым.

Галактион должен был учиться принимать эту неизбежную сторону литературного труда.

Однажды он мог перечитать очередную рукопись и с раздражением отложить её в сторону.

— Опять не нравится? — спросил бы кто-нибудь.

— Нет.

— Вчера ты говорил, что получилось хорошо.

— Вчера я так думал.

— А сегодня?

— Сегодня вижу, что можно лучше.

— Так ты никогда ничего не закончишь.

— Лучше закончить не всё, чем оставить то, за что потом будет стыдно.

В этом споре можно увидеть не только юношеское самолюбие, но и требовательность, которая со временем станет одной из важных особенностей его творческой судьбы.

В 1910 году жизнь Галактиона резко изменилась. Он покинул духовную семинарию. Одним из тяжёлых обстоятельств этого времени стала смерть его близкого товарища, молодого литератора Кучу Кавтарадзе, известного под именем Демон.

Для Галактиона это была не просто потеря знакомого человека. Молодые люди, объединённые литературными интересами, нередко воспринимают друг друга как спутников на ещё не пройденном пути. Они делятся замыслами, обсуждают прочитанное, спорят о будущем, строят планы. В таком возрасте дружба может стать частью самого представления о жизни.

И вдруг одного из них не становится.

Можно представить, как Галактион вновь и вновь возвращался мыслями к недавним разговорам, пытаясь понять, что осталось несказанным. Но смерть не оставляет возможности задать последний вопрос. Она обрывает разговор там, где человеку кажется, что он только начался.

Мы не будем приписывать ему конкретных слов или мыс-

лей, которых не сохранили свидетельства. Но сам факт этой утраты позволяет понять, насколько тяжёлым могло быть переживание юноши, для которого дружба и литература были тесно связаны.

В том же году Галактион начал работать учителем в селе Парцхнали. После закрытия школы он продолжил педагогическую деятельность в районе Батуми.

Так перед ним открылся ещё один мир — не семинарский и не литературный, а повседневный мир людей, которым приходилось трудиться, растить детей, заботиться о хозяйстве и думать о завтрашнем дне.

Учительская работа требовала терпения. Нужно было объяснять, повторять, следить за тем, чтобы ученики усваивали материал. Здесь уже нельзя было ограничиться собственными мыслями: необходимо было находить слова, понятные другим.

Возможно, именно этот опыт помогал ему иначе взглянуть на человеческую жизнь. В литературе он мог искать сложные образы и необычные сочетания слов, а в повседневности видел людей, чьи судьбы складывались из простых забот и тяжёлого труда.

Он был молод, и его собственная жизнь ещё только начиналась. Но теперь он знал не понаслышке, что за пределами учебных заведений существует множество человеческих судеб, каждая из которых имеет свою цену.

В июне 1911 года Галактион прекратил педагогическую

деятельность и переехал в Кутаиси. Там он стал работать в редакциях газет и журналов, среди которых были «Колхида», «Мнатоби» и «Танамедрове азри».

Переход к газетной и журнальной работе был важным шагом. Теперь он находился ближе к людям, которые ежедневно занимались литературой и общественной мыслью. Печатное слово становилось не только способом выражения собственных чувств, но и частью профессиональной жизни.

Редакционная среда была особым миром. Здесь обсуждали рукописи, сроки публикаций, темы будущих материалов, спорили о языке и стиле. Автору приходилось сталкиваться с чужими требованиями и мнениями, иногда соглашаться, иногда отстаивать собственную позицию.

Для Галактиона это был новый опыт, который постепенно приближал его к самостоятельной литературной судьбе.

В 1912 году он принял участие в литературном конкурсе газеты «Тема». Его стихотворение «Невидимый» получило третью премию.

Третья премия — не вершина литературной славы, но для молодого автора это было важное признание. Его работа оказалась среди отмеченных жюри. Значит, написанное им уже могло привлечь внимание не только близкого круга знакомых.

Можно представить, как он узнал о результате.

— Галактион, ты слышал?

— Что случилось?

— Твоё стихотворение отмечено.

— Какое?

— «Невидимый». Третья премия!

Он мог переспросить, словно не сразу поверил услышанному.

— Третья?

— А ты рассчитывал сразу на первую?

— Я рассчитывал, чтобы прочитали.

— Прочитали. И оценили.

— Значит, нужно писать дальше.

Возможно, именно так он и отнёсся к этой новости: с удовлетворением, но без окончательного успокоения. Для человека, который только начинает путь, признание может стать поддержкой, но оно не освобождает от необходимости работать дальше.

Впереди был первый поэтический сборник. До его выхода оставалось ещё два года. Но теперь Галактион уже прошёл несколько важных ступеней: от ученических рукописей к публикациям, от семинарской жизни к самостоятельной работе, от первых литературных знакомств к участию в конкурсе.

Он постепенно становился частью грузинской литературной среды.

И всё же главное оставалось впереди. Галактиону предстояло не просто опубликовать книгу, а заявить о себе как о поэте, обладающем собственным голосом. Он должен был

пройти путь от молодого автора, которого замечают отдельные читатели, до человека, чьи стихи начинают жить в сознании целого поколения.

Пока же он продолжал искать.

В его жизни уже были потери, перемены и первые успехи. Но ни одно из этих событий ещё не давало окончательного ответа на вопрос, кем он станет.

Ответ должен был появиться в стихах.

Глава шестая. Книга, которой он ждал

К лету 1914 года Галактион уже не был тем юношей, который когда-то робко показывал товарищам первые рукописные строки. За его плечами оставались годы учёбы, учительская работа, редакционные будни, литературные знакомства и первые признания. Он успел узнать и радость удачи, и горечь потерь, и то особое беспокойство, которое испытывает человек, когда чувствует: всё, что он делает, ещё не соответствует тому, чего он от себя ждёт.

Но теперь у него появилась возможность сделать нечто действительно важное.

Его первая книга готовилась к изданию.

Издатель Тутку Гварамия объявил о скором выходе сборника. В газетах и журналах появилось сообщение, в котором говорилось, что в книгу войдут фотография автора, его биография, стихи, в том числе ранее не публиковавшиеся, а также статьи Ипполита Вартагавы, Ивана Гомартели и Михаила Цулукидзе.

Для молодого поэта это было большим событием. Книга должна была представить его читателю не как автора отдельных стихотворений, появлявшихся в периодике, а как самостоятельную литературную личность.

Впрочем, сама подготовка книги ещё не означала, что всё складывалось легко. Издание требовало средств, организационных усилий и терпения. Необходимо было собрать рукописи, определить состав сборника, подготовить материалы, договориться с издателем. Вся эта работа была далека от романтического представления о поэте, который только пишет стихи и ждёт, когда они принесут ему славу.

Галактиону приходилось заниматься обычными, порой утомительными делами. Но теперь у них была особая цель.

Можно представить, как однажды он получил от издателя очередную новость.

— Книга скоро выйдет, — сказал бы Тутку Гварамия.

— Скоро — это когда?

— Терпение, молодой человек. Книги не появляются по одному желанию автора.

— Я понимаю.

— Нет, пока ещё не понимаете. Вам кажется, что главное — написать стихи. Но до того, как читатель возьмёт книгу в руки, предстоит сделать ещё немало.

Галактион мог улыбнуться.

— Главное, чтобы он всё-таки взял её в руки.

— Вот это уже зависит от вас.

Этот разговор — художественная реконструкция. Но в нём есть вполне реальная сторона литературного труда: между рукописью и книгой всегда лежит работа, которую читатель обычно не замечает.

В июне, в Кутаиси, наконец вышел первый сборник стихотворений Галактиона Табидзе. Он назывался просто — «Стихи». В книгу вошло 157 произведений.

Сто пятьдесят семь стихотворений — целый мир, собранный под одной обложкой. Для самого автора каждое из них было частью пройденного пути. Одни строки могли быть написаны давно, другие появились сравнительно недавно. Какие-то произведения уже встречались читателям на страницах периодических изданий, какие-то впервые покидали рукописные тетради.

Теперь они становились книгой.

Возможно, Галактион долго рассматривал её первые экземпляры, перелистывал страницы, останавливался на отдельных стихотворениях. В такие минуты автор видит не только напечатанные слова. Он вспоминает время, когда они возникали, обстоятельства, при которых были написаны, людей и переживания, оставивших след в его памяти.

Книга становится своеобразным отражением прожитых лет.

Но после выхода наступает другая, не менее важная пора — встреча с читателем.

Что произойдёт дальше? Примут ли книгу? Поймут ли её?

Найдутся ли люди, которым близок этот голос?

Ответ не заставил себя долго ждать.

За два месяца был распродан весь тираж — две тысячи экземпляров.

Для молодого поэта это было серьёзным успехом. Книга нашла своего читателя, а имя Галактиона стало заметнее в литературной жизни Грузии.

Однако сам успех ещё не означал, что автор мог считать свой путь завершённым. Напротив, теперь перед ним возникала новая ответственность. После первой книги уже нельзя было оставаться только начинающим литератором. Читатель ждал продолжения, а сам поэт должен был доказать, что его первая удача не случайность.

Возможно, именно в такие дни он особенно остро ощущал разницу между внешним признанием и внутренней неудовлетворённостью. Люди могли хвалить его стихи, но он сам знал, сколько ещё не написано, сколько осталось несказанным.

Литературная судьба не заканчивается выходом первой книги. Иногда именно с неё начинаются самые трудные вопросы.

И Галактион уже был готов задавать их самому себе.

Глава седьмая. Голос, который услышали

Лето 1914 года стало для Галактиона временем, когда его имя всё чаще звучало в литературных кругах. Он участвовал в вечерах, встречался с писателями, знакомился с читателя-

ми. Поэзия постепенно выводила его за пределы привычного круга молодых авторов.

В мае он принял участие в литературном вечере, устроенном поэтом Гелой, настоящее имя которого было Барнаба Галазония. После выступления грузинские писатели собрались в кутаисском «Семейном саду» и сделали памятную фотографию.

Возможно, на этом снимке каждый старался выглядеть серьёзным, как и полагалось человеку литературы. Но за фотографиями всегда остаётся то, чего объектив не способен передать: разговоры до и после съёмки, шутки, споры, случайные замечания, первые впечатления друг о друге.

Галактион находился среди людей, для которых слово было профессией, призванием и способом существования.

В июне он участвовал в литературных вечерах, посвящённых поэту Иродиону Евдошвили. Подобные встречи были важной частью культурной жизни того времени. Литература существовала не только в печатных изданиях. Она звучала со сцены, встречалась с публикой, становилась предметом обсуждения и споров.

Молодой поэт постепенно привыкал к тому, что его произведения читают вслух, что на него смотрят слушатели, что после выступления к нему могут подойти незнакомые люди.

Это совершенно иное испытание, чем публикация стихотворения.

На бумаге читатель остаётся один на один с авторским

словом. На литературном вечере между ними возникает непосредственная связь. Поэт видит лица, замечает внимание или усталость, чувствует реакцию зала. Иногда одно движение, один взгляд говорят больше, чем длинная похвала.

Галактион, вероятно, не сразу привык к такой открытости. Внутренний мир человека, который привык работать в одиночестве, не всегда легко переносит публичность. Но если он хочет, чтобы стихи жили, ему приходится выходить к людям.

Осенью литературная жизнь продолжалась, а вместе с ней росли и ожидания, связанные с именем Табидзе.

Особое место в его судьбе занимало признание старшего поколения грузинской литературы. В своей позднейшей автобиографической записи Галактион упоминал, что выход первой книги был встречен с восхищением Акакием Церетели.

Для молодого поэта это было чрезвычайно важно. Акакий Церетели был не просто известным писателем. Его имя принадлежало к числу тех, которые определяли духовную жизнь Грузии. Его стихи знали, его авторитет признавали, его отношение к литературе имело большое значение для современников.

Получить признание такого человека — значит почувствовать, что твоя работа замечена не только сверстниками, но и представителем поколения, уже вошедшего в историю.

Не станем придумывать личную встречу или конкретные

слова Акакия: достоверно сохранилось свидетельство Галактиона о его восхищённом отношении к первой книге. Но само это признание позволяет представить, какое значение оно могло иметь для молодого автора.

Возможно, в душе Галактиона тогда смешались радость и тревога.

Радость — потому что его услышали.

Тревога — потому что теперь необходимо было соответствовать тому, что от него ожидали.

В литературе признание редко становится окончательным покоем. Оно скорее открывает следующую дверь, за которой автор снова остаётся один со своим листом бумаги.

В ноябре 1914 года в газете «Новая Иверия» появилось объявление о предстоящем литературном вечере в городском театре Кутаиси. Вечер предназначался в пользу молодого поэта Галактиона Табидзе, который намеревался продолжить образование.

Двадцать седьмого ноября вечер состоялся.

В этом событии была особая человеческая сторона. Поэт, чья первая книга уже нашла своего читателя, всё ещё нуждался в поддержке, чтобы продолжать учиться и работать. Признание не избавляло его от материальных трудностей. Литературная известность и повседневная обеспеченность не всегда идут рядом.

Можно представить, как перед началом вечера он стоял за кулисами и прислушивался к шуму зрительного зала.

— Уже много людей? — спросил бы он.

— Зал постепенно заполняется.

— А кто будет читать?

— Сегодня всё устроено. Не беспокойтесь.

— Я не беспокоюсь.

Но он мог беспокоиться. Ведь даже человек, привыкший к публичным выступлениям, испытывает особое чувство, когда понимает, что сегодняшний вечер посвящён ему самому.

За кулисами пахло деревом, пылью и театральными тканями. Где-то хлопнула дверь, послышались шаги, кто-то позвал участников. Галактион поправил одежду и посмотрел в сторону сцены.

Возможно, в эту минуту он подумал о матери. О том, как много пришлось ей сделать, чтобы он получил образование и возможность заниматься литературой. О Чквиши, откуда начался его путь. О первых тетрадях и рукописях, которые теперь превратились в настоящую книгу.

А затем открылась дверь, и его позвали.

Мы не знаем, какие именно чувства сопровождали его в тот вечер, какие разговоры происходили за кулисами и что он сказал после выступления. Но известно, что литературный вечер состоялся и был связан с его намерением продолжить образование.

Для молодого автора это было не только признание, но и поддержка людей, которые верили в его способности.

И, пожалуй, именно здесь проявлялась важная особен-

ность его положения: он уже становился заметным поэтом, но ещё не переставал быть человеком, которому приходилось искать средства для учёбы и продолжения творческой работы.

Такова была цена первых шагов к признанию.

Глава восьмая. Когда мир стал тревожным

В 1914 году мир начал стремительно меняться. В Европе разгорался пожар войны, который вскоре охватил множество стран и народов. События, происходившие далеко от Грузии, постепенно становились частью повседневных разговоров, газетных сообщений и человеческих тревог.

Для поэта война не могла быть только политической новостью. Она означала человеческие судьбы, разрушенные надежды, неизвестность, страх и ожидание беды.

Галактион жил в Грузии, входившей тогда в состав Российской империи. До него доходили вести с фронтов, сообщения о военных потерях, разговоры о будущем. Привычный мир, который ещё недавно казался достаточно устойчивым, становился всё более непредсказуемым.

В литературной жизни это тоже ощущалось.

Писатель уже не мог полностью отделить собственное творчество от происходящего вокруг. Даже если он не собирался становиться политическим публицистом, сама эпоха заставляла его задумываться о судьбе человека и общества.

Галактион начал готовить вторую книгу. В его замыслах были новые произведения, отклики на события времени,

стихи, в которых он пытался осмыслить происходящее.

Но издание этой книги столкнулось с препятствием: власти не разрешили её выпуск.

Для молодого автора это было тяжёлым ударом. Только что первая книга принесла ему признание, и казалось, что перед ним открывается возможность свободно продолжать работу. Но теперь он столкнулся с ограничением, которое не зависело от качества стихов и желания читателей.

Можно представить, как он обсуждал эту новость с человеком из издательской среды.

— Значит, книгу не разрешили?

— Пока нет.

— Почему?

— Слишком тревожное время. Содержание вызывает вопросы.

— Но это стихи.

— Вы прекрасно знаете, что в стихах иногда говорят больше, чем в газетных статьях.

— И что теперь?

— Придётся ждать.

Галактион мог замолчать. Он понимал, что спорить с решением властей бесполезно. Но принять его как нечто естественное было ещё труднее.

Это художественная реконструкция разговора, однако сама история с запрещённой к изданию второй книгой отражена в биографической хронике.

В июле Галактион провёл время в родном Чквиши.

Возвращение домой после нескольких лет городской жизни всегда имеет особое значение. Человек приезжает в знакомое место, но уже не является тем, кем был прежде. Деревня остаётся прежней лишь отчасти. Меняется и сам возвращающийся.

Он мог пройти по знакомой дороге, остановиться у старого дома, встретить людей, которые помнили его мальчиком. Кто-то наверняка спрашивал о жизни в городе, о книге, о литературе.

— Ну что, теперь ты настоящий писатель? — мог пошутить кто-нибудь из знакомых.

— Не знаю, — ответил бы Галактион.

— Как же не знаешь? Книгу выпустил!

— Книга — это ещё не вся жизнь.

— А что же тогда?

— То, что ещё предстоит написать.

В такой реплике можно услышать и юношескую требовательность, и нежелание останавливаться на достигнутом.

Родная земля могла дать ему временное ощущение покоя. Здесь не нужно было доказывать своё место в литературном мире, не требовалось отвечать на ожидания редакторов и читателей. Здесь существовали знакомые дороги, привычные лица, память детства.

Но даже в родных местах он не мог забыть о том, что происходило в мире. Война продолжалась. Известия станови-

лись всё тревожнее, а надежда на скорое возвращение прежней жизни постепенно исчезала.

В августе Галактион снова участвовал в литературном вечере в Кутаисском театре. Литературная деятельность продолжалась, несмотря на общую неопределённость.

Ему предстояло решить, как жить дальше: продолжать образование, работать, писать, искать возможности для публикации новых произведений. Молодой поэт находился на перепутье, хотя, возможно, ещё не осознавал всей глубины предстоящих перемен.

В ноябре вновь состоялся литературный вечер в его пользу. В газетном объявлении говорилось, что Галактион намерен продолжить учёбу, а собранные средства должны были помочь ему осуществить этот план.

Всё это показывает, насколько непросто складывалась его жизнь. За внешним признанием скрывались материальные заботы, необходимость искать поддержку, зависимость от издательских решений и желание продолжать образование.

Но он не отступал.

К концу 1914 года Галактион уже имел первую книгу, читательское внимание, признание старших литераторов и опыт публичных выступлений. Одновременно он пережил отказ в публикации следующего сборника и столкнулся с неопределённостью времени.

Он ещё не знал, что впереди его ждут новые города, встречи с выдающимися русскими поэтами, большая любовь и тя-

жёлые испытания. Но теперь его судьба всё заметнее выходила за пределы привычного жизненного круга.

Мальчик из Чквиши стал автором книги, которую читали в разных уголках Грузии.

И всё же, когда наступал вечер и вокруг становилось тихо, ему по-прежнему приходилось оставаться наедине с самим собой.

Возможно, именно в такие минуты он особенно ясно понимал: признание не избавляет человека от одиночества. Иногда оно лишь делает это одиночество заметнее.

Глава девятая. Дорога на север

В тот год Галактион особенно часто возвращался мыслями к Москве. Город этот уже однажды возникал в его воображении как далёкое пространство большой литературы, где жили и работали люди, чьи имена он знал по книгам. Теперь возможность увидеть их собственными глазами перестала быть мечтой.

Он собирался в дорогу без особой торжественности. Несколько вещей, бумаги, тетради, необходимые деньги — всё это помещалось в небольшой дорожный багаж. Но самое важное он вёз с собой не в чемодане. Это были стихи, вопросы, сомнения и ожидания, которые за последние годы накопились в нём.

Накануне отъезда один из знакомых спросил:

— Надолго уезжаешь?

— Пока не знаю.

— А что собираешься там делать?

— Смотреть, слушать, знакомиться.

— И всё?

— А разве этого мало?

Собеседник усмехнулся:

— Ты, поэты, умеете находить занятие даже там, где другие ничего не замечают.

— Вот потому-то нам и приходится путешествовать, — ответил Галактион.

Разговор этот — художественная реконструкция, но он передаёт одну из важных особенностей его характера: желание наблюдать, сопоставлять, искать смысл за внешней стороной событий.

Дорога постепенно уводила его от знакомых мест. За окном менялись станции, пейзажи, лица. В вагоне говорили о войне. Она уже давно перестала быть далёким событием, о котором можно прочитать в газете и забыть. Люди обсуждали мобилизацию, письма с фронта, цены, слухи, судьбы близких.

Один пассажир, пожилой человек с усталым лицом, долго смотрел в окно, а потом повернулся к соседу:

— Всё говорят, скоро закончится. Только каждый месяц всё хуже.

— Кто знает, — ответил тот. — Может, ещё год, и всё переменится.

— Год? Да за год можно потерять целую жизнь.

Галактион слушал молча. Он не вмешивался, но запомнил интонацию последней фразы. В ней было больше правды, чем в многочисленных газетных рассуждениях.

Москва встретила его шумом улиц, движением экипажей, людскими толпами и особой городской энергией. Здесь жизнь словно не желала останавливаться, даже когда за её пределами бушевала война. Магазины работали, театры принимали публику, в редакциях спорили о новых книгах, в литературных кругах обсуждали будущее искусства.

Галактион чувствовал себя одновременно уверенно и немного растерянно. Он приехал не как случайный путешественник. За ним уже стояла первая книга, которую читали на родине. Но здесь его имя ещё не было известно большинству людей.

Он оказался в положении человека, которому предстоит начать знакомство заново.

В Москве ему удалось встретиться с Александром Блоком, Валерием Брюсовым и Константином Бальмонтом. Для молодого грузинского поэта это были важные встречи. Он увидел людей, чьё творчество давно существовало в его внутреннем мире.

Особенно сильное впечатление производило само ощущение близости литературы. В книгах великие поэты казались почти недосягаемыми. В жизни они были людьми со своими привычками, усталостью, настроением, манерой говорить и слушать.

Галактион понимал, что нельзя ожидать от встречи с известным автором какого-то волшебного откровения. Поэзия не передаётся от человека к человеку вместе с рукопожатием. Но увидеть, как живёт и мыслит настоящий мастер, было для него чрезвычайно важно.

Представим одну из таких встреч — не как документально записанный разговор, а как художественную сцену, в которой выражено его состояние.

В комнате было достаточно тихо. Галактион держал в руках свои бумаги, стараясь не показывать волнения. Он не хотел выглядеть человеком, который приехал просить признания. Ему хотелось прежде всего понять.

— Вы из Грузии? — спросили его.

— Да.

— И пишете стихи?

— Пытаюсь.

— Почему «пытаюсь»? Разве вы не издали книгу?

— Издал. Но это ещё не означает, что всё получилось.

— Вы слишком строги к себе.

— Возможно. Но если перестать быть строгим, можно однажды обнаружить, что давно ничего не ищешь.

Собеседник мог бы улыбнуться.

— А что вы ищете?

Галактион немного помолчал.

— Свой голос. Чтобы он был слышен даже тогда, когда я не называю своего имени.

Он не мог знать, насколько близко подбирается к одной из главных задач собственной жизни. Поэту предстояло ещё много работать, пережить признание и разочарования, увидеть, как меняется литературная мода. Но уже тогда он понимал, что подлинное творчество не может состоять из подражания.

Встречи с Блоком, Брюсовым и Бальмонтом были для него не столько уроками определённой школы, сколько возможностью увидеть разные пути поэзии.

Валерий Брюсов представлял собой особый тип литературной организованности и воли. Блок — иной мир, в котором личное чувство и историческое предчувствие соединялись с музыкальностью стиха. Бальмонт был связан с другой, более свободной и музыкальной стихией символизма.

Галактион не обязан был выбирать кого-то одного. Он мог учиться у каждого, оставаясь самим собой.

Позднее он побывал и в Петрограде. Северная столица произвела на него иное впечатление. Здесь было больше строгости, пространства и холодной торжественности. Вода, мосты, каменные фасады, изменчивое небо создавали настроение, которое трудно было спутать с московским.

Однажды, остановившись у набережной, он долго смотрел на реку. Рядом двое прохожих спорили о войне.

— Не может же это продолжаться бесконечно!

— История ничего не обещала нам насчёт сроков.

— А людям что делать?

— Жить, пока дают.

Галактион отвернулся от собеседников. Ему показалось, что в этих простых словах заключено что-то от всей эпохи.

Он думал о Грузии, о знакомых улицах Кутаиси и Тифлиса, о литературной среде, в которой начинался его путь. Теперь всё это представлялось ему частью большого мира. Родина не стала меньше оттого, что он увидел другие города. Напротив, она обрела для него новый масштаб.

Возвращаясь, Галактион вёз с собой не только впечатления от встреч. Он привозил новые требования к самому себе. Ему хотелось писать точнее, глубже, свободнее. Он всё меньше удовлетворялся тем, что могло вызвать одобрение знакомых, и всё больше думал о том, что останется после него.

Впереди была другая дорога — не железнодорожная, а внутренняя. И на ней ему предстояло разобраться с вопросами, которые нельзя было решить ни одной литературной встречей.

Глава десятая. Ольга

Галактион познакомился с Ольгой Окуджавой ещё до того, как его имя стало широко известно. Их сближение началось не с громких признаний и не с обещаний, а с человеческого интереса, который постепенно приобретал всё большее значение.

Ольга была молодой женщиной с собственными взглядами и убеждениями. Она принадлежала к семье, где общественные события воспринимались не как отвлечённые раз-

говоры, а как часть личной судьбы. В её окружении обсуждали политику, будущее страны, положение людей, необходимость перемен.

Галактион тоже не был равнодушен к происходящему, но его главным способом познания мира оставалась поэзия. Он мог долго размышлять над одной фразой, над взглядом человека, над случайной встречей. Там, где другой видел событие, он иногда видел целую историю.

Они были разными. И именно это различие могло притягивать их друг к другу.

Встречи постепенно становились привычными. Иногда разговор начинался с литературных новостей, иногда — с повседневных дел. Но Галактион всё чаще замечал, что ждёт не столько самой встречи, сколько возможности услышать голос Ольги.

Однажды он пришёл к ней с небольшой тетрадью.

— Опять стихи? — спросила она.

— А ты ожидала, что я принесу пирог?

— Пирог был бы полезнее.

— Значит, стихи сегодня проигрывают?

— Я этого не сказала. Просто человек не может всю жизнь питаться стихами.

— Поэты, к сожалению, иногда пытаются.

— И чем это заканчивается?

— Обычно тем, что они пишут ещё одно стихотворение.

Ольга рассмеялась.

— Ты умеешь отвечать так, чтобы ничего не объяснить.

— Это профессиональное качество.

— Нет, Галактион. Иногда мне хочется услышать от тебя простой ответ.

— Например?

— Что ты думаешь о завтрашнем дне.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Я думаю, что он наступит.

— Это я и без тебя знаю.

— А остальное зависит от того, что мы с ним сделаем.

— Вот теперь ты говоришь почти как человек, а не как поэт.

— Неужели это так заметно?

Она снова улыбнулась, но разговор не закончился шуткой.

— Ты собираешься всю жизнь писать? — спросила Ольга.

— Если смогу.

— А жить?

— Разве это разные вещи?

— Для тебя, может быть, нет. Для других — иногда очень даже разные.

Галактион задумался. Ему хотелось ответить красиво, но он почувствовал, что сейчас это было бы неуместно.

— Я не знаю, каким буду через десять лет, — сказал он наконец. — Но знаю, что не хочу перестать писать.

— А если придётся выбирать между стихами и человеком?

— Почему ты думаешь, что обязательно придётся?

— Потому что ты иногда исчезаешь в своих мыслях так, будто вокруг никого нет.

Он хотел возразить, но не нашёл убедительных слов.

Ольга не требовала, чтобы он отказался от поэзии. Ей хотелось знать, есть ли в его жизни место для неё самой. И это было справедливое желание.

Их отношения развивались в то время, когда будущее становилось всё менее определённым. Война меняла привычный уклад, политические разговоры приобретали всё большую остроту, а молодые люди вокруг них всё чаще задумывались о том, что будет дальше.

Ольга была связана с кругом людей, для которых общественная деятельность имела большое значение. Её семья не могла не интересоваться тем, кто станет её мужем и как сложится их совместная жизнь.

Галактион же был молодым поэтом, чья известность ещё не обеспечивала материальной устойчивости. Он мог говорить о будущем, но не всегда мог предложить конкретный план.

Именно здесь начинались трудности.

В один из дней разговор о них возник в доме Ольги. Родственники не были уверены, что Галактион сможет обеспечить ей спокойную жизнь. Их сомнения не обязательно были проявлением неприязни. Они могли опасаться, что талантливый, но неустроенный молодой человек окажется нена-

дёжным спутником.

— Он хороший человек, — сказала Ольга.

— Мы этого не отрицаем.

— Тогда почему вы против?

— Потому что хорошего человека недостаточно для семейной жизни.

— А чего ещё недостаточно?

— Одного таланта. Одних стихов. Нужно думать о завтрашнем дне.

— Я и думаю.

— Ты сейчас думаешь о том, что любишь его. А мы думаем о том, как ты будешь жить через несколько лет.

Ольга не сразу ответила.

— Разве вы можете заранее знать, как я буду жить?

— Мы хотим, чтобы ты не ошиблась.

— А если я ошибусь, это будет моя ошибка.

В комнате наступила тишина. Ольга понимала, что близкие тревожатся за неё, но не могла согласиться с тем, что её собственное решение не имеет значения.

Когда она встретилась с Галактионом, то не стала скрывать разговор.

— Твои родственники считают, что я не смогу дать тебе спокойной жизни, — сказал он, выслушав её.

— Они считают, что ты не сможешь дать её мне.

— И, возможно, у них есть основания.

Ольга посмотрела на него с удивлением.

— Ты согласен с ними?

— Я согласен с тем, что у меня нет богатства и что я пока не знаю, как сложится моя жизнь.

— А дальше?

— Дальше я не хочу обещать того, чего не могу гарантировать.

— Галактион, никто не может гарантировать будущее.

— Но человек должен отвечать за свои слова.

— Именно поэтому я и хочу услышать от тебя не красивое обещание, а правду.

Он долго молчал.

— Правда в том, что я люблю тебя, — произнёс он наконец. — И что мне страшно. Не потому, что я не хочу быть с тобой, а потому, что не знаю, сумею ли сделать тебя счастливой.

Ольга приблизилась к нему.

— А ты думаешь, я не боюсь?

— Ты не показываешь.

— Потому что я не пишу стихов о каждом своём страхе.

Он улыбнулся.

— Это, пожалуй, разумно.

— И ещё, Галактион. Я не прошу тебя обещать мне безоблачную жизнь. Я хочу, чтобы ты не убегал от трудностей в свои стихи.

Эти слова он мог запомнить надолго.

В их отношениях были и нежность, и споры, и ожида-

ние. Иногда близость измерялась не количеством сказанных слов, а тем, насколько свободно люди могли молчать рядом друг с другом.

Ольга постепенно становилась для него не только любимой женщиной, но и человеком, перед которым нельзя было постоянно прятаться за поэтическими образами.

Он учился говорить проще.

Она училась понимать, что его молчание не всегда означает равнодушие.

И всё же различия между ними не исчезали. Они оставались частью их характеров и мировоззрения. В будущем эти различия станут особенно заметными, когда общественные потрясения заставят каждого определять своё отношение к происходящему.

Но тогда они ещё верили, что смогут преодолеть всё, что встретится на их пути.

Глава одиннадцатая. Две судьбы под одной крышей

К 1916 году отношения Галактиона и Ольги уже не были только историей молодых людей, которые встречаются и расстаются, пишут письма и ждут следующей возможности увидеть друг друга. Перед ними стоял вопрос о совместной жизни.

Галактион понимал, что решение о браке означает гораздо больше, чем признание в любви. Теперь ему предстояло думать не только о собственном будущем. В его жизни появлялся человек, чьи надежды и тревоги должны были стать

частью его повседневности.

Ольга тоже не питала иллюзий. Она знала, что выходит замуж за поэта, для которого творчество не было ни развлечением, ни случайным увлечением. Оно составляло основу его внутренней жизни.

Возможно, в один из последних разговоров перед свадьбой она спросила:

— Ты когда-нибудь думаешь о том, какой будет наша жизнь?

— Часто.

— И что ты себе представляешь?

— Дом. Работу. Книги. Тебя.

— А если всё окажется не так, как ты представляешь?

— Тогда придётся жить не так, как представлял.

— Ты всегда находишь выход через какую-нибудь фразу.

— А ты всегда хочешь, чтобы я говорил без фраз.

— Потому что я собираюсь жить с тобой, а не с твоими стихами.

Галактион посмотрел на неё и засмеялся.

— Надеюсь, ты не собираешься запретить мне писать?

— Нет. Но иногда я буду требовать, чтобы ты отложил перо.

— Это уже серьёзная угроза.

— Привыкай.

В этой воображаемой сцене нет документально подтверждённых слов. Но она передаёт то, что могло быть важным

для их будущего: Ольга хотела видеть рядом не только поэта, но и мужа, а Галактиону предстояло научиться соединять творческую свободу с семейной ответственностью.

Двадцать третьего августа 1916 года они обвенчались.

Событие, которое в биографической хронике обозначается одной датой, в человеческой жизни было гораздо большим. Венчание соединяло не только двух молодых людей, но и две семейные истории, два характера, два представления о будущем.

В этот день они не могли знать, насколько сложной окажется их дальнейшая судьба. Не могли предвидеть революции, перемены власти, преследования, разлуки и трагические события, которые позднее коснутся их семьи.

Они вступали в брак с надеждой на совместную жизнь.

После венчания им предстояло привыкать к новому положению. Теперь решения принимались не только каждым отдельно. Нужно было обсуждать бытовые вопросы, распределять расходы, договариваться о поездках, думать о будущем.

Поэт, который прежде мог позволить себе провести целый день над рукописью, теперь должен был учитывать интересы другого человека.

Однажды Галактион задержался за работой. Он не заметил, как прошло время. Ольга заглянула в комнату.

— Ты собираешься сегодня ужинать?

— Конечно.

— Когда?

— Сейчас.

— Ты сказал это час назад.

— Значит, я уже почти готов.

— К чему?

— К ужину.

Она посмотрела на стол, заваленный бумагами.

— Галактион, у тебя на столе больше стихов, чем еды в доме.

— Это временное положение.

— А когда оно изменится?

— Когда стихи начнут приносить достаточно денег.

— Значит, нам придётся подождать.

— Ты умеешь поддержать человека.

— Я умею напомнить ему, что он не один.

Он поднялся, отложил рукопись и подошёл к ней.

— Хорошо. Сегодня я выбираю ужин.

— Вот это уже поступок, достойный семейной хроники.

Они засмеялись.

Такие сцены, если представить их в повседневной жизни, важнее многих громких признаний. Семья создаётся не только в торжественные дни. Она складывается из привычек, мелких уступок, совместных решений, из умения вовремя отложить собственное занятие ради другого человека.

Но впереди у них были не только домашние заботы.

В 1916 году Галактион начал печататься в журнале «Голубые роги», связанном с грузинскими символистами. Для

литературной жизни это было заметным событием. Молодая группа стремилась обновить грузинскую поэзию, обращалась к европейской культуре, искала новые формы и художественные средства.

Галактион оказался рядом с авторами, которые хотели изменить привычный литературный язык. Их объединяло стремление к новому, хотя каждый из них сохранял собственное представление о поэзии.

Однажды в литературной компании разговор зашёл о том, каким должен быть современный поэт.

— Старые формы уже не могут выразить сегодняшний мир, — сказал один из молодых авторов.

— А разве новая форма сама по себе делает стихотворение хорошим? — возразил другой.

— Без обновления невозможно движение.

— Но и без памяти невозможно настоящее искусство.

Галактион слушал спор, не спеша вступать в него.

— А вы что думаете? — спросили его.

— Я думаю, что форма должна служить стихотворению, а не стихотворение — форме.

— Это слишком просто.

— Возможно. Но простые вещи иногда труднее всего выполнить.

— Значит, вы не хотите примыкать к определённой школе?

— Я хочу писать хорошие стихи. Если для этого мне по-

надобится школа, я буду учиться. Если понадобится выйти из неё, придётся выйти.

Собеседники могли не согласиться с ним, но такая позиция вполне соответствовала его творческому характеру. Галактион не был обязан принимать всю программу какого-либо литературного направления только потому, что его произведения появлялись в журнале, связанном с этим направлением.

Его поэзия развивалась самостоятельно.

Вскоре супруги отправились в Москву. Теперь Галактион ехал туда вместе с Ольгой. Для него это был уже знакомый город, но сама поездка приобретала новый смысл. Прежде он приезжал как молодой автор, который стремился увидеть большую литературу. Теперь он путешествовал с женой, и впереди была совместная жизнь в городе, где им предстояло решать новые задачи.

Москва 1916 года была тревожной. Война продолжалась, общественные настроения менялись, политические разговоры становились всё острее. Старый порядок уже испытывал серьёзные потрясения, хотя до революции оставались месяцы.

Ольга внимательно следила за происходящим. Для неё политика не была отвлечённой темой.

— Ты думаешь, всё действительно изменится? — спросила она однажды.

— Всё когда-нибудь меняется.

— Я спрашиваю не о времени вообще.

— Я понимаю.

— Мне кажется, мы стоим на пороге чего-то большого.

Галактион задумался.

— Большие перемены не всегда приносят людям то, чего они ждут.

— Но без перемен тоже нельзя.

— Иногда человек хочет изменить весь мир, а потом не может разобраться в собственной жизни.

Ольга посмотрела на него.

— Ты опять говоришь как поэт.

— А ты опять хочешь, чтобы я говорил как политик.

— Нет. Я хочу, чтобы ты не оставался в стороне от того, что происходит вокруг.

— Я не остаюсь. Просто я не всегда вижу ответ там, где его видят другие.

Ольга не стала продолжать спор. Она знала, что Галактион не был равнодушным человеком. Но его отношение к событиям определялось прежде всего личным переживанием, нравственным чувством и стремлением понять человека.

Их различия никуда не исчезли после свадьбы. Они лишь стали частью общего дома.

Впереди лежали годы, которые проверят этот союз на прочность. История потребует от каждого собственных решений. Политические убеждения Ольги и поэтическое восприятие мира Галактионом не раз окажутся рядом с событи-

ями, способными изменить жизнь миллионов людей.

Но пока они были молоды. Пока они могли строить планы, спорить, смеяться и надеяться.

В этой надежде не было ничего наивного. Человек не обязан заранее знать трагический конец собственной истории, чтобы иметь право на счастье.

Галактион и Ольга начинали совместную жизнь. И, как всякая молодая семья, они ещё верили, что многое зависит от них самих.

Глава двенадцатая. Время, вышедшее из берегов

Москва встретила 1917 год тревожным ожиданием. Война продолжалась, продовольственные трудности становились всё ощутимее, а разговоры о будущем страны приобретали всё более резкий характер. Вчерашние уверенные слова теперь звучали неубедительно. Люди спорили, предсказывали, обвиняли друг друга, но никто не мог сказать, что произойдёт завтра.

Галактион чувствовал, что прежний порядок жизни начинает разрушаться. Он видел это не только в газетах. Перемены входили в разговоры случайных знакомых, в очереди, в интонации людей, которые прежде старались не говорить о политике.

Ольга следила за событиями с особенным вниманием. Её интерес к общественной жизни был глубже, чем обычное любопытство. Она принадлежала к семье, в которой политические убеждения имели значение, и происходящее не могло

оставить её равнодушной.

Однажды вечером она положила на стол газету.

— Читал?

Галактион оторвался от рукописи.

— Ещё нет. Что там?

— События развиваются быстрее, чем кто-либо ожидал.

Он взял газету, пробежал глазами заголовки.

— Люди давно говорят о переменах.

— Говорить и дождаться их — не одно и то же.

— А ты считаешь, что теперь всё будет иначе?

— Старое уже не удержится.

Галактион сложил газету.

— Но что придёт ему на смену?

Ольга не ответила сразу.

— Этого пока никто не знает.

— Значит, мы стоим перед неизвестностью.

— Мы давно перед ней стоим. Просто теперь это стало заметно всем.

Он посмотрел на жену. В её голосе не было легкомыслия. Она не воспринимала происходящее как увлекательное зрелище. Для неё перемены означали возможность иной жизни, но одновременно и опасность.

— Ты веришь, что всё может стать лучше? — спросил он.

— Я хочу в это верить.

— А если не станет?

— Тогда придётся бороться за то, чтобы стало.

Галактион снова взглянул на газету. Он не был человеком, которому легко принять готовый ответ. Его поэтическое восприятие мира заставляло видеть в политических событиях не только столкновение сил, но прежде всего судьбы людей.

Для одних революция была надеждой. Для других — страхом. Для третьих — потерей всего, что они считали привычным и незыблемым.

В феврале 1917 года в России произошла революция, завершившаяся падением монархии. Весть об отречении Николая II стала событием, которое невозможно было воспринимать как обычную новость.

Галактион переживал происходящее как поэт. Он не мог оставаться только наблюдателем. Вскоре в его творчестве появились отклики на революционные события, среди них стихотворения «Скорей знамена» и «Николай II».

Слово становилось способом зафиксировать время, которое стремительно уходило от людей.

В те дни поэт мог особенно остро ощущать противоречие между историей и личной жизнью. Он был женат, у него были собственные заботы, надежды и планы. Но происходящее вокруг словно требовало от каждого человека ответа на вопрос: на чьей стороне ты находишься и каким видишь будущее?

Ольга не скрывала своего отношения к переменам. Галактион же стремился понять их человеческую цену.

— Ты всё время возвращаешься к этим событиям, — ска-

зала однажды Ольга, заметив его записи.

— Потому что они не отпускают.

— Ты пишешь о революции?

— Я пытаюсь понять, что она делает с человеком.

— А разве это не очевидно?

— Нет. Одни радуются, другие боятся, третьи уже думают о мести. История меняет вывески, но люди остаются людьми.

— Ты хочешь сказать, что ничего не изменится?

— Я хочу сказать, что перемена власти ещё не означает перемены человеческой природы.

Ольга задумалась.

— Но ведь нельзя требовать от людей терпеть несправедливость только потому, что они несовершенны.

— Нельзя, — согласился он. — Но нельзя и забывать о человеке, когда говоришь о справедливости.

Она посмотрела на него внимательно. В этих словах проявлялось то различие между ними, которое позднее будет возникать всё чаще. Ольга сильнее ощущала общественную сторону происходящего, Галактион — внутреннюю, нравственную. Но пока они могли спорить, не превращая разногласия в стену между собой.

В Грузии события также развивались стремительно. Старые политические связи ослабевали, возникали новые общественные силы, всё чаще звучали разговоры о национальном будущем. Галактион понимал, что ему необходимо вернуться на родину.

В 1917 году он вернулся в Грузию.

Возвращение не означало, что он намерен отказаться от московских впечатлений или прекратить общение с русской литературной средой. Напротив, увиденное и пережитое в России теперь становилось частью его внутреннего опыта.

Вскоре грузинские писатели поручили ему поездку в Москву, а затем в Петроград, где ему предстояло встретиться с ответственными представителями и обсудить вопросы, связанные с литературной жизнью. Это была уже не просто поездка молодого автора, стремящегося познакомиться с известными поэтами. Теперь он выступал в определённой мере от имени писательского сообщества.

Петроград встретил его атмосферой революционного напряжения. Город жил событиями, которые невозможно было отделить от повседневности. На улицах обсуждали политику, в учреждениях менялась обстановка, прежние авторитеты теряли силу.

Галактион наблюдал и записывал впечатления. Результатом этой поездки стало стихотворение «Несколько дней в Петрограде».

В нём для него важны были не только события, но и само состояние города, в котором история словно вышла из привычных берегов.

Он видел людей, которые ещё вчера жили обычной жизнью, а теперь оказались участниками событий огромного масштаба. Одни верили в новую эпоху, другие не понимали,

что происходит, третьи пытались приспособиться к обстоятельствам.

В такие дни поэт особенно ясно ощущает, что никакое событие не существует отдельно от человеческих судеб.

Возвращаясь в Грузию, Галактион вёз с собой новые записи и новые вопросы. Он ещё не знал, какие ответы даст время. Но уже понимал, что его собственная жизнь, как и жизнь всей страны, вступает в совершенно другую полосу.

Глава тринадцатая. Между двумя мирами

К 1918 году Галактион продолжал находиться в Москве и Петрограде, где его жизнь складывалась уже не только вокруг литературных встреч. Время требовало приспосабливаться к новым обстоятельствам, искать работу, заботиться о будущем и не терять связи с родиной.

Москва становилась городом, в котором прежняя культурная жизнь испытывала серьёзные потрясения. Менялись учреждения, привычные общественные отношения, условия существования. Для человека, привыкшего к литературной среде, это означало необходимость искать новые возможности.

Галактион не хотел ограничиваться ролью приезжего наблюдателя. Он стремился получить новые знания и расширить собственные способности.

В 1918 году он окончил шестимесячные режиссёрские курсы Московской любительской сцены.

Этот факт может показаться неожиданным в биографии

поэта, но он вполне соответствует его интересу к искусству в целом. Театр был для него ещё одной возможностью понять человека, характер, движение чувств и столкновение судеб.

Поэт, работающий со словом, нередко замечает в драматическом искусстве то, что не всегда доступно обычному читателю. На сцене человеческое переживание получает голос, жест, движение, становится видимым и слышимым.

Можно представить, как однажды после занятий он задержался в помещении, где проходили репетиции. На сцене ещё оставались декорации, кто-то убирал реквизит, в зале пахло пылью и деревом.

— Вы опять остались? — спросил преподаватель.

— Хотел посмотреть, как сцена выглядит без актёров.

— И что вы увидели?

— Пространство, в котором кто-то должен появиться.

— А если никто не появится?

— Тогда это будет просто помещение.

Преподаватель усмехнулся.

— Вы всё превращаете в поэзию.

— Наверное, иначе я не умею.

Разговор этот — художественная реконструкция, но он позволяет показать, что режиссёрские занятия могли дать Галактиону не только практические навыки, но и новый взгляд на художественное действие.

Театр учил видеть произведение целиком. Здесь недостаточно было одной красивой реплики или сильного моноло-

га. Необходимо было, чтобы поступки персонажей имели смысл, чтобы сцены развивались естественно, чтобы зритель верил происходящему.

Впоследствии этот опыт мог пригодиться ему и в литературной работе.

Однако Москва не становилась для него окончательным домом. Связь с Грузией оставалась важнейшей частью его жизни. Он знал, что там формируется новая государственность, что общественные и культурные процессы приобретают особое значение.

Двадцать шестого мая 1918 года была провозглашена независимость Грузии.

Это событие имело огромное значение для страны. После долгих лет пребывания в составе Российской империи грузинское общество получило возможность самостоятельно строить государственную жизнь.

Для Галактиона возвращение на родину теперь приобретало ещё один смысл. Он возвращался не просто в знакомую культурную среду, но в страну, которая переживала важнейший исторический период.

Летом 1918 года он вернулся в Грузию.

Можно представить, что в дороге он думал о том, как изменится его жизнь теперь. Москва дала ему новые знания, встречи и впечатления. Но родная земля по-прежнему оставалась тем местом, где его творчество могло обрести собственный голос.

Ольга тоже возвращалась вместе с ним. Для неё Грузия была не только родиной мужа, но и пространством, где пересекались семейные, общественные и культурные связи.

— Ты рад, что мы возвращаемся? — спросила она.

— Да.

— Не жалеешь о Москве?

— Нет. Там многое было важным.

— Тогда почему так торопишься домой?

— Потому что там моя жизнь.

— А здесь?

— Здесь тоже.

Ольга улыбнулась.

— Ты опять отвечаешь так, что нельзя понять, где именно твоя жизнь.

— Наверное, она не помещается в одном городе.

— А я надеюсь, что хотя бы в одном доме мы сможем её устроить.

Галактион посмотрел на неё.

— Я тоже этого хочу.

В этих словах не было обещания лёгкого будущего. Но было желание сохранить то, что они создали вместе.

Грузия встретила их новой политической реальностью. Независимость открывала возможности, но одновременно ставила перед обществом сложные задачи. Нужно было строить государственные институты, решать экономические вопросы, определять отношения с соседями и искать место

страны в меняющемся мире.

Литературная жизнь также переживала обновление. Писатели и поэты обсуждали задачи национальной культуры, спорили о традиции и новаторстве, о роли языка и ответственности художника перед обществом.

Галактион возвращался в эту среду уже с более широким опытом. Он успел увидеть русскую литературную жизнь, познакомиться с её представителями, побывать в городах, где происходили революционные события, и получить режиссёрскую подготовку.

Но главное его испытание было впереди.

Ему предстояло создать книгу, которая станет не просто продолжением первой, а настоящим художественным заявлением.

Он снова работал над стихами. Пересматривал рукописи, возвращался к прежним строкам, искал новые образы. Некоторые произведения, написанные в годы перемен, теперь могли войти в более цельное поэтическое пространство.

Ольга видела, что он всё больше погружается в работу.

— Ты опять не замечаешь времени, — сказала она.

— Сегодня нужно закончить.

— Ты говорил то же самое вчера.

— Значит, работа оказалась труднее, чем я думал.

— А завтра?

— Завтра будет другая работа.

— Галактион, ты когда-нибудь позволишь себе просто по-

жить?

Он отложил перо.

— Я ведь и живу.

— Иногда мне кажется, что ты только записываешь жизнь, вместо того чтобы участвовать в ней.

Он хотел возразить, но понял, что в её словах есть доля правды.

— Я постараюсь, — сказал он.

— Не обещай того, что трудно выполнить.

— Тогда я скажу иначе. Я буду помнить об этом.

Ольга подошла к столу, посмотрела на рукопись и осторожно положила рядом несколько листов.

— Только не забудь поесть.

— Вот это я точно смогу выполнить.

Она улыбнулась, а он вернулся к работе.

Глава 14. Возвращение в город перемен

Летом 1918 года Галактион Табидзе снова увидел родные горы.

Дорога домой казалась ему одновременно знакомой и чужой. За годы отсутствия изменилось многое: не только города, улицы и лица людей, но и само ощущение времени. Прежде оно текло размеренно, словно горная река, которая, несмотря на камни и пороги, всегда знает своё русло. Теперь же жизнь напоминала бурный поток, несущий с собой обломки прежнего мира.

Москва осталась позади. Там были месяцы учёбы, встречи, разговоры, театральные опыты, литературные впечатления. Там он соприкоснулся с другой культурой, с людьми, которые искали новые формы искусства и пытались понять, каким станет человек после великих потрясений. Но чем дальше уходил поезд от российской столицы, тем сильнее Галактион ощущал притяжение родной земли.

Он возвращался не прежним юношей.

В его памяти жили строки Александра Блока, интонации Брюсова, поэтическая свобода символистов. Он видел, как искусство способно преодолевать границы времени и языка. Но теперь ему предстояло ответить на более трудный вопрос: что должен сказать поэт своему народу, когда привычный мир рушится, а новый ещё не обрёл ясных очертаний?

Галактион не знал ответа. Возможно, именно поэтому он продолжал писать.

Тифлис встретил его шумом улиц, тревожными разговорами и ощущением непрерывного движения.

В городе пересекались разные судьбы и разные надежды. Одни говорили о свободе, другие — о революции, третьи пытались сохранить хотя бы остатки привычной жизни. В кофейнях и редакциях спорили о будущем страны, о литературе, о назначении искусства. Газетные полосы приносили новости, которые ещё вчера показались бы невероятными.

Галактион слушал больше, чем говорил.

Он замечал, как менялись лица знакомых людей. Преж-

ние литературные споры теперь нередко уступали место политическим разногласиям. Вчерашние единомышленники оказывались по разные стороны баррикад, а люди, прежде далёкие друг от друга, неожиданно находили общий язык.

Поэт понимал: происходящее невозможно описать только словами о победах и поражениях. За громкими историческими событиями стояли обыкновенные человеческие судьбы. Человек мог приветствовать перемены и одновременно бояться их. Мог мечтать о справедливости, но не знать, какой ценой она будет достигнута.

Вечерами Галактион возвращался к своим рукописям.

Иногда он перечитывал написанное и чувствовал неудовлетворённость. Казалось, прежние строки уже не вполне соответствовали новому времени. Не потому, что они были ложными, а потому, что сам он стал другим. Внутри него накапливались впечатления, которым ещё предстояло найти форму.

Ему хотелось создать поэзию, в которой красота не была бы бегством от действительности, а действительность не уничтожала бы красоту.

Это было трудное равновесие.

Ольга оставалась рядом с ним, но их отношения не всегда были простыми.

Они принадлежали к одному времени, однако по-разному воспринимали его требования. Ольга была человеком убеждений и политических надежд. Её взгляды формировались

под влиянием революционного движения, разговоров, событий, людей, веривших, что общество можно изменить решительным действием.

Галактион тоже не был равнодушен к происходящему. Его привлекали мечты о справедливости, о мире, в котором человеческое достоинство не зависело бы от происхождения и положения. Но поэт не мог полностью подчинить себя ни одной политической формуле.

Он видел то, чего не всегда замечали люди, увлечённые борьбой: за каждой идеей стоял живой человек, со своей слабостью, страхом, любовью и неповторимой судьбой.

Возможно, именно это различие постепенно становилось заметнее между супругами.

Представим один из их домашних вечеров. За окном темнел Тифлис. На столе лежали раскрытые рукописи, рядом остывал чай.

— Ты опять думаешь о стихах? — спросила Ольга.

— А разве это плохо?

— Нет. Только сейчас вокруг столько событий. Люди ждут перемен. Им нужно знать, на чьей ты стороне.

Галактион поднял глаза.

— Я на стороне человека, — ответил он после недолгого молчания.

— Это слишком общий ответ.

— Может быть. Но я не умею смотреть на человека только как на сторонника или противника.

Ольга не стала продолжать спор. Она знала, что перед ней не человек, которого можно убедить несколькими горячими словами. Галактион тоже понимал её: за убеждениями жены стояла не пустая увлечённость, а искренняя вера в возможность другого мира.

Они могли любить друг друга и всё же не совпадать в самом важном.

Эта сцена не является документально засвидетельствованным разговором супругов. Она передаёт возможное внутреннее противоречие двух людей, чьи взгляды на эпоху не всегда совпадали.

В 1919 году вышел новый сборник Галактиона — «Артистические цветы».

Для поэта эта книга стала важной вехой. Если первый сборник обозначил начало его самостоятельного пути, то новая книга открывала перед читателями мир уже сложившегося художественного голоса.

Название звучало необычно. В нём соединялись красота и искусственность, цветение и хрупкость, жизнь и искусство. Словно сам автор предлагал читателю войти в сад, где каждый цветок был создан не только природой, но и человеческим воображением.

Книга быстро привлекла внимание литературной среды.

Галактион почувствовал, что его услышали. Это было не просто приятное известие о выходе очередного сборника. За ним стояло признание долгого труда, бессонных ночей, со-

мнений, бесконечных исправлений и той внутренней работы, которую никто не видел.

Но известность не принесла ему полного спокойствия.

Поэт знал: литературное признание не освобождает человека от одиночества. Иногда оно даже усиливает его. Люди начинают видеть в авторе созданный им образ, ожидают от него определённых слов и поступков, а между тем сам автор продолжает меняться.

Галактион не хотел становиться пленником собственной славы.

Ему было важно сохранить право на сомнение, на внутреннюю свободу, на молчание. Он понимал, что однажды читатели могут потребовать от него совсем не того, что он захочет сказать. И тогда ему придётся выбирать между удобным ожиданием публики и собственной правдой.

Пока же впереди открывалась новая дорога.

В эти годы особенно остро ощущалась перемена самого Тифлиса.

Город жил на перекрёстке культур и исторических судеб. В его старых кварталах ещё сохранялись следы прежней эпохи, а новые политические и общественные силы стремились определить будущее страны.

По улицам двигались люди с разными языками, привычками и воспоминаниями. В домах обсуждали новости, в редакциях готовили новые номера журналов, в литературных кругах спорили о направлении грузинской поэзии.

Галактион наблюдал за всем этим с вниманием человека, который понимал: история не состоит только из дат и государственных решений. Она живёт в разговорах на кухнях, в ожидании писем, в тревоге матерей, в надеждах молодых людей, которые ещё не знают, что приготовило им будущее.

Он видел, как быстро меняется настроение общества. Ещё недавно многие ожидали, что политические потрясения принесут освобождение и обновление. Теперь всё яснее становилось, что любая эпоха требует от человека не только веры, но и способности выдержать последствия собственных надежд.

В 1921 году Грузия вошла в новый, драматический период своей истории. Для Галактиона это означало не только перемену политической власти. Менялась сама среда, в которой существовали писатели, художники, учёные и все, кто пытался сохранить самостоятельность мысли.

Поэт не мог остаться в стороне от этих событий.

Но и превратиться в простого летописца политической борьбы он не хотел. Его стихотворения должны были говорить о времени, однако не растворяться в его лозунгах.

Вскоре Галактион всё чаще думал о том, что его собственная судьба становится частью судьбы страны.

Он вспоминал Чквиши, материнский дом, ранние годы, первые стихи, семинарию, первые поездки, московские встречи. Всё это теперь складывалось в единую дорогу, хотя тогда, в начале пути, он не мог предвидеть её направления.

Поэт начинал понимать одну важную вещь: человек не выбирает время, в котором рождается, но отвечает за то, каким человеком остаётся внутри этого времени.

В его характере соседствовали чувствительность и упрямство, потребность в признании и желание укрыться от чужих взглядов. Он мог быть открытым и общительным, но в самые важные минуты предпочитал оставаться один на один со своими мыслями.

Эта двойственность сопровождала его с юности.

И теперь, когда литературное имя Галактиона становилось всё известнее, она проявлялась особенно отчётливо.

Внешний мир видел поэта, чьи книги читали и обсуждали. Внутренний мир оставался территорией, куда не всегда могли войти даже самые близкие люди.

Возможно, именно там рождались его лучшие строки.

Однажды вечером он долго сидел у окна с раскрытой тетрадью.

Город постепенно затихал. Где-то далеко раздавались голоса, хлопнула дверь, по мостовой проехала повозка. В комнате было тихо.

Галактион смотрел на чистую страницу.

Ему хотелось написать о времени, которое переживала Грузия. Но он не хотел ограничиваться описанием событий. Ему нужно было найти в них человеческий смысл.

Он думал о тех, кто верил в революцию, о тех, кто боялся её, о людях, потерявших близких, о молодых, которые только

начинали жить. Думал об Ольге, о родных, о собственном будущем.

Затем взял перо.

Первая строка не пришла сразу. Он зачеркнул несколько слов, отложил тетрадь, снова вернулся к ней. Так рождались стихи — не из торжественной уверенности, а из мучительного поиска точного слова.

Он ещё не знал, что впереди его ждут новые литературные высоты, журнальные проекты, признание и испытания, которые окажутся гораздо тяжелее творческих сомнений.

Но одно он уже понимал: поэзия не может существовать отдельно от жизни, даже если поэт иногда мечтает спрятаться от неё.

Тифлис продолжал меняться. Вместе с ним менялся и Галактион Табидзе.

И всё же в глубине его души оставалось нечто неизменное — голос родной земли, который он услышал ещё в детстве и который не переставал звать его к себе.

Он вернулся в город перемен, но главная перемена происходила внутри него самого.

Глава 15. Молодая семья и старые противоречия

В доме, где теперь жил Галактион, всё чаще звучали два голоса. Один принадлежал ему, другой — Ольге. Иногда они говорили о самых простых вещах: о хлебе, о деньгах, о холоде в комнате, о том, куда пойти завтра. Но за этими обыкновенными разговорами скрывалось нечто большее. Два моло-

дых человека пытались устроить общую жизнь в стране, где сама жизнь словно потеряла привычные очертания.

Они были очень разными. Галактион принадлежал миру, который невозможно было измерить ни заработком, ни положением, ни даже признанием. Он мог долго сидеть над одной строкой, возвращаться к ней снова и снова, забывая о времени. Ольга была деятельной, собранной, убеждённой. Её мысли чаще обращались к людям, к общественным событиям, к тому, что происходило за пределами комнаты. Она умела смотреть на жизнь прямо и требовала от неё ответа.

Когда они только сблизились, различия не казались препятствием. Напротив, в них, вероятно, заключалась часть взаимного притяжения. Ему нравились её решительность и внутренняя независимость; ей — необыкновенная одухотворённость молодого поэта, его способность видеть за обыденным нечто недоступное другим. Но любовь, которая легко переносит мечты, должна однажды встретиться с повседневностью.

В августе 1916 года Галактион и Ольга обвенчались. В архивных материалах Национального архива Грузии сохранилась и другая важная дата: гражданская регистрация их брака состоялась 15 октября 1921 года. Между этими датами лежали годы, в которых менялись города, правительства, че-

ловеческие убеждения и сама ткань привычной жизни.

Можно представить один из первых вечеров после свадьбы. За окном темнело. На столе лежали книги, несколько исписанных листов и раскрытая тетрадь. Ольга разбирала вещи, стараясь придать комнате вид настоящего семейного жилища. Галактион сидел у окна и смотрел на улицу.

— Ты опять ушёл куда-то далеко? — спросила она.

Он повернулся не сразу.

— Я здесь.

— Телом — да. А мыслями?

Галактион улыбнулся. Он не любил объяснять то, что ещё не успел понять сам.

— Иногда мне кажется, что слова приходят издалека. Если я не успею их записать, они исчезнут.

— А если я попрошу тебя помочь мне? Например, решить, что мы будем есть завтра?

Он поднялся, подошёл к столу и посмотрел на неё с вино-

ватой нежностью.

— Тогда, наверное, придётся сначала подумать о завтрашнем дне.

Ольга засмеялась. В её смехе не было насмешки. Она любила его, но уже тогда понимала, что жить рядом с поэтом — не то же самое, что жить рядом с человеком, полностью принадлежащим дому. В Галактионе всегда оставалась какая-то часть, до которой нельзя было дотянуться рукой.

И всё же они начинали семейную жизнь с надеждой. Им хотелось верить, что трудности можно преодолеть, если двое смотрят в одну сторону. Но куда именно они смотрели? Для Ольги будущее всё теснее связывалось с общественными переменами. Для Галактиона главным оставалось слово — не лозунг, не призыв, а то внутреннее звучание, из которого рождалось стихотворение.

Вскоре их судьбы оказались связаны с дорогами между Грузией и Россией. Москва открывала перед Галактионом новые возможности. Там он соприкоснулся с русской литературной средой, встретился с поэтами, чьи имена давно жили в его воображении. Знакомство с Александром Блоком, Валерием Брюсовым и Константином Бальмонтом было для него не просто событием биографии. Перед ним открывался

мир, в котором поэзия становилась самостоятельной духовной силой, не знающей государственных границ.

Но большой город не избавлял от одиночества. Человек может оказаться среди знаменитых имён, увидеть новые улицы, услышать чужую речь и всё-таки остаться наедине с тем, что происходит внутри него. Галактион привёз с собой грузинский язык, память о Чквиши, о материнском доме, о зелёных склонах родной земли. Чем шире становился его литературный горизонт, тем яснее он чувствовал, что его собственный голос должен вырасти именно из этой почвы.

Ольга тоже строила свои планы. Она стремилась к образованию, интересовалась общественной жизнью, не желала оставаться только спутницей известного поэта. В их отношениях возникало то напряжение, которое редко заметно посторонним. Оно не обязательно выражается в громких ссорах. Иногда достаточно одного невысказанного упрёка, одного ожидания, оставшегося без ответа, чтобы между близкими людьми появилась невидимая стена.

— Ты думаешь, что я не понимаю тебя? — могла бы спросить Ольга в один из таких вечеров.

— Я не думаю об этом.

— Вот именно. Ты вообще редко думаешь о том, что я чувствую.

Он поднял глаза. В её голосе звучала не только обида, но и усталость.

— Оля, я не хочу причинять тебе боль.

— Но ты не замечаешь, когда причиняешь её.

Галактион хотел ответить, однако слова, которые так легко приходили к нему в стихах, в домашнем разговоре вдруг становились беспомощными. Он мог написать о любви, о разлуке, о судьбе, но не всегда умел вовремя сказать простое человеческое слово.

Эта сцена — художественная реконструкция, попытка передать возможное напряжение их семейной жизни, а не запись подлинного разговора. Мы не знаем всех подробностей их домашних отношений и не должны подменять неизвестное выдуманной достоверностью. Но известно другое: их союз развивался в годы, когда личная жизнь постоянно испытывала давление истории.

В Грузии происходили события, которые не могли оставить равнодушным ни одного мыслящего человека. Круше-

ние старого порядка, революция, политическая борьба, тревожные перемены — всё это входило в дома вместе с газетами, разговорами знакомых, внезапными отъездами и тревожными известиями. Для Ольги общественная жизнь была не отвлечённой темой. Она была частью её убеждений и круга близких людей. Галактион же всё острее ощущал, что политические страсти требуют от человека определённого ответа, тогда как поэт не всегда способен вместить сложность мира в готовую формулу.

Летом 1918 года он вернулся на родину. Возвращение не означало возвращения к прежней жизни. Тифлис менялся. На улицах встречались люди с разными надеждами и разными страхами. Вчерашние знакомые могли оказаться по разные стороны политических убеждений. Одни говорили о свободе, другие — о порядке, третьи ждали, когда закончится тревога и можно будет просто жить.

Галактион снова оказался среди грузинских литераторов. В его руках постепенно складывалась новая книга. Он работал над стихами, искал нужное звучание, возвращался к уже написанному. В 1919 году вышел сборник «Артистические цветы». Для поэта это было важное событие: его голос становился всё заметнее, а имя всё увереннее входило в литературную жизнь Грузии.

Но признание не решало семейных вопросов. Книга могла принести автору радость, могла укрепить его положение в литературной среде, но она не могла заменить близости, которую нужно было создавать каждый день. В доме по-прежнему существовали заботы, ожидания и разногласия. Иногда Галактион возвращался к рукописи в те минуты, когда Ольге хотелось поговорить. Иногда она уходила в свои дела, когда он надеялся увидеть её рядом.

Возможно, именно тогда он всё чаще начинал искать спасение в работе. Поэзия давала ему то, чего не могла дать повседневность: возможность собрать рассыпающийся мир в единое целое. В стихотворении боль могла обрести форму, одиночество — голос, а смутное предчувствие — ясный образ. Но в жизни всё оставалось труднее. Здесь нельзя было исправить неудачную строку и начать заново.

В последующие годы Галактион всё активнее участвовал в литературной жизни. Он работал с периодическими изданиями, выпускал собственный журнал, стремился объединять вокруг него авторов и читателей. В 1921 году под его редакцией выходил еженедельник «Ломиси», а в 1922–1923 годах издавался «Журнал Галактиона Табидзе». Эти занятия требовали не только таланта, но и настойчивости, организаторских способностей, умения договариваться с людьми. Поэт, которого привыкли представлять человеком одиноко-

го вдохновения, всё чаще оказывался в самой гуще литературных дел.

В октябре 1921 года состоялась гражданская регистрация брака Галактиона и Ольги. Этот документ, хранящийся в Национальном архиве Грузии, возвращает нас к простой и важной стороне их истории. За именами, которые позднее войдут в книги и архивы, стояли два человека, однажды решившие связать свои судьбы. В документе сохранились их подписи. Они лаконичны и сдержанны, как и многие официальные свидетельства. Но за ними — годы общей жизни, надежд и испытаний.

Казалось бы, теперь у них было всё необходимое, чтобы начать спокойную семейную жизнь. Однако спокойствие всё дальше отступало. Вокруг усиливалось политическое давление, менялись правила общественной жизни, а прежние связи и убеждения могли стать источником опасности. Ольга оставалась человеком своих взглядов. Галактион всё больше понимал, что мир, в котором ему предстоит жить и писать, не будет простым и безопасным.

Он не мог предвидеть, что в будущем испытания окажутся гораздо страшнее нынешних разногласий. Он не знал, какую цену придётся заплатить Ольге за её убеждения и какую тень это наложит на его собственную жизнь. Пока же перед ним

стояла задача, которую он считал главной: сохранить свой голос.

Вечерами он снова садился за стол. За окном шумел город, в соседних комнатах разговаривали люди, где-то хлопала дверь. Галактион наклонялся над бумагой. Ольга могла пройти мимо, остановиться на мгновение, посмотреть на него и ничего не сказать. Иногда молчание было добрее слов. Иногда оно означало, что каждый из них уже ушёл в свою сторону.

И всё-таки они ещё оставались рядом. Их общая жизнь не была ни безоблачной историей любви, ни простой историей несчастья. В ней было настоящее чувство, были надежды, взаимное притяжение и разочарования. Было время, которое не спрашивало у человека, готов ли он к испытаниям.

Галактион всё настойчивее уходил в пространство поэзии. Там он мог быть свободным хотя бы на мгновение. Но чем выше поднимался его внутренний мир, тем труднее становилось возвращаться к обыкновенным разговорам, к домашним заботам, к необходимости объяснять себя другому человеку. Он ещё не был одинок на вершине — до этого было далеко. Однако первые признаки той внутренней разобщённости, которая позднее станет одной из главных драм его судьбы, уже проступали в повседневной жизни.

А за окном продолжался Тифлис — шумный, тревожный, полный надежд и противоречий. Город жил своей историей, семья — своей. И Галактион, сам того не зная, приближался к порогу новой эпохи, в которой ему предстояло сделать ещё один выбор: как остаться поэтом, когда время требует от человека совсем другого.

Глава 16. Поэт среди революционных бурь

Тифлис встретил Галактиона не тишиной, а тревожным гулом. Казалось, сам город перестал доверять привычным звукам: шаги на мостовой звучали торопливее, голоса в кофейнях становились громче, а газетчики выкрикивали заголовки так, словно от каждого нового известия зависела судьба целой улицы. Люди спорили о власти, о свободе, о будущем Грузии. Одни говорили с горячей надеждой, другие — с усталой горечью. И почти каждый был уверен, что именно сейчас решается самое главное.

Галактион слушал эти разговоры, проходя по знакомым улицам. Он не был равнодушен к происходящему. Но политические речи редко давали ему то, чего он искал. В них слишком часто звучала уверенность людей, которым казалось, будто сложную человеческую жизнь можно подчинить одной формуле. Поэт же знал: за каждым громким словом стоят отдельные судьбы, страхи, любовь, память и боль.

Однажды в редакции он задержался после того, как

остальные разошлись. На столе лежали рукописи, корректуры, несколько свежих газет. За окном уже темнело. Молодой сотрудник, собиравшийся уходить, остановился у двери.

— Вы опять останетесь здесь на ночь?

— Нет, — ответил Галактион, не поднимая головы. — Только дочитаю.

— Вы всегда так говорите.

— Значит, у меня постоянство.

Молодой человек улыбнулся, но улыбка быстро исчезла.

— На улицах сегодня неспокойно. Говорят, завтра опять будут обыски.

Галактион поднял глаза.

— Кто говорит?

— Все говорят. Одни уверяют, что это слухи, другие советуют не выходить без необходимости.

Поэт сложил листы в ровную стопку.

— Когда каждый повторяет чужой страх, он начинает казаться правдой.

— А если это и есть правда?

Галактион не ответил сразу. Он посмотрел на газету, где крупный заголовок обещал объяснить читателю всё происходящее. Потом тихо сказал:

— Тогда тем более нельзя отдавать страху последнее слово.

Сотрудник ушёл. Галактион остался один. Он знал, что не может укрыться от времени в редакционной комнате. Оно

входило сюда вместе с бумагами, с письмами, с именами людей, о которых ещё вчера говорили спокойно, а сегодня уже произносили вполголоса.

После установления советской власти в Грузии жизнь не стала сразу понятной и безопасной. Новые порядки требовали от людей приспособления, а порой и открытого выбора. Для одних перемены означали надежду на справедливость и обновление; для других — утрату независимости и начало тяжёлого испытания. В этой обстановке особенно трудно приходилось тем, кто не желал превращать своё слово в простое повторение чужих лозунгов.

Галактион продолжал работать. В 1921 году он редактировал еженедельник «Ломиси», издание Союза грузинских писателей. Позднее выпустил собственный «Журнал Галактиона Табидзе». Эти занятия занимали много сил. Нужно было читать рукописи, выбирать материалы, следить за выпуском, разговаривать с авторами, искать возможность напечатать то, что казалось важным. Но редакторская работа не заменяла поэзии. Скорее, она ещё острее показывала ему, как трудно сохранить живое слово в эпоху, когда от литературы ждут заранее определённой службы.

В редакцию приходили молодые авторы. Они приносили стихи, спорили о форме, о назначении искусства, о том, должен ли поэт быть прежде всего голосом своего поколения. Однажды один из них, горячий и нетерпеливый, положил перед Галактионом тетрадь.

— Прочитайте. Я написал о революции.

Галактион раскрыл тетрадь. Несколько минут он молча перелистывал страницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.